

ЗА СТЕНОЙ

Олеся Беленикина

Олеся Беленикина

За стеной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69196714

SelfPub; 2023

Аннотация

Не окончив последний класс в школе, Даша вынуждена переехать в другой город к дедушке. В город, в котором поколения её предков хранили тайну. Где полулюди – полуптицы творили свою историю за высокой стеной. Где они однажды в ярости её сокрушили. Смогут ли они когда-нибудь вернуться на свою землю, раньше столь тщательно охраняемую от посторонних глаз каменной кладкой? Сохранит ли Даша секрет своей семьи? И что она в конечном итоге обнаружит ЗА СТЕНОЙ? (Первая часть дилогии).

Содержание

Краткий справочник основных действующих лиц	7
1965—1966 годы	7
1990—1991 годы	8
2000—2001 годы	9
Глава 1	13
Борис	13
1965	13
Глава 2	27
2001	27
Глава 3	34
1990	34
Глава 4	40
1990	40
Весна	40
Регина	52
1990	52
Весна	52
1990	71
Осень	71
Глава 5	80
Регина	80
1990	80
Мормагон	90

1990	92
Глава 6	103
2001	103
Глава 7	111
2001	111
Глава 8	116
2001	116
О поисках Павла	124
Сокол	130
2001	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Олеся Беленикина

За стеной

*Посвящается моему дедушке,
Виталию Ивановичу*

... кругом все-таки было немножко не так,
как бы следовало, чепуховато как-то.

М. А. Булгаков «Белая гвардия»

Краткий справочник основных действующих лиц

1965—1966 годы

Птицы

Борис – ученик верхней школы. Принадлежит клану ястребов.

Зигзаг – ученик верхней школы. Умеет укрощать электричество в малых дозах. Принадлежит клану стрижей.

Звери

Вас – ученик дальней школы. Принадлежит клану псов.

Мор – ученик дальней школы, лучший друг Васа. Принадлежит клану псов.

Раиса – ученица дальней школы. Принадлежит клану рысей.

Алька – ученица дальней школы и младшая сестра Мора. Принадлежит клану псов.

1990—1991 годы

Птицы

Павел – будущий вожак поселения и ученик ратной школы. Принадлежит правящему клану Орлов.

Сокол – лучший друг Павла и ученик ратной школы. Принадлежит клану соколов.

Колдун – сын старейшины и ученик ратной школы. Знает азы шаманства и ворожбы. Принадлежит клану коршунов.

Звери

Регина – девушка Павла и ученица ратной школы. Принадлежит клану волков.

Макс – ученик ратной школы. Принадлежит клану псов.

Талия – ученица ратной школы. Принадлежит клану рысей.

Ник – ученик ратной школы. Принадлежит клану леопардов. Умеет создавать фантомов.

Мормагон (в прошлом Мор) – учитель и главный наставник всех учащихся ратной школы. Принадлежит клану псов.

Герман – житель дальних барачков. Инженер. Отщепенец. Принадлежит клану рысей.

2000—2001 годы

Василий Владимирович (в прошлом Вас) – преподаватель колледжа и института в большом мире. Принадлежит клану псов.

Раиса Сергеевна (Раиса) – преподаватель колледжа и института в большом мире. Принадлежит клану рысей.

Борис Петрович (Борис) – отличный музыкант, ушел жить в большой мир. Принадлежит клану ястребов.

Даша – студентка колледжа в большом мире. Златоуст (умеет разговаривать с животными).

Кот Васька – кот, лучший друг и постоянный спутник Даши.

Вовка Свеколкин – студент колледжа в большом мире.

Захар Ткачев – студент колледжа в большом мире.

Сокол, он же историк – преподаватель колледжа в большом мире. Принадлежит клану соколов.

Настя Свеколкина – сестра Вовки, девушка Сокола.

Павел – пробудившийся, уже бывший вожак поселения. Принадлежит к низвергнутому клану Орлов.

Регина – девушка Павла. Принадлежит клану волков.

Колдун – архитектор. Знает азы шаманства и ворожбы. Принадлежит клану коршунов.

Мы жили в мире величия и традиций, всеми силами храня

наш общий секрет. Мы почитали старейшин за их мудрость, данную им свыше. И склоняли головы перед Орлами, ведущими нас по жизненному пути. От Орла к Орлу. От Солнца к Солнцу.

Я, старая, тешила себя мыслью, что мне удастся пожить при четырех владельцах амулета. Этим стоило гордиться. Мало кому в нашем священном мире выпадала такая честь. Разве что представителям моего клана – клана черепах. Я видела до того три церемонии. И все они были одинаково пышны и величественны. Зрители следили за происходящим, затаив дыхание. И всем казалось, что сама земля поселения, его стены и небо над ним дают вместе с амулетом силу править нами.

Девчонкой я смотрела на высших птиц, стоящих на пьедестале, и плакала от счастья. Такими они были красивыми! Сразу бросалась в глаза порода. А их одежда! Я бы задохнулась от восторга, будь у меня хотя бы кусочек такой ткани. Не юноши, а загляденье. Не девушки – княгини. Но, конечно, Орлам не было равных. Все девчонки поселения были влюблены в молодого Орла. Прямо боялись на него смотреть. Смотрели украдкой. Верили, что иначе ослепнем.

При правлении первого Орла мир за стеной содрогнулся от страшного горя. Даже сквозь непроходимую стену оно долетало звуками и редкими телами, которые дозор находил вокруг поселения. Сила вожака не пропустила беду к нам. Его амулет стал гарантом нашей жизни.

Вторая церемония была тоже огромным праздником. Я уже не боялась смотреть на восходящего на пьедестал. Я была старше его и кое-что уже понимала в жизни. В тот день по ступеням поднималось наше будущее. Тот, кто сильным взмахом крыла будет оберегать стену и народ за ней. Да здравствует молодой вожак! Будьте славны, старейшины!

При правлении этого вожака птицы и звери стали едины. Многим из наших было разрешено уйти за стену в поисках знаний. Кто-то вернулся. Кто-то остался в том огромном мире навсегда. Последних мы никогда больше не видели.

Третья церемония ничем не отличалась от предыдущих двух. Мне были известны все движения нового правителя, каждый его шаг. Но все равно я во все глаза смотрела на молодого вожака, гадая, что он нам принесет.

Он принес еще большее единение. Никогда еще поселенцы не видели такой гармонии между собой. Зверям разрешалось ровно то же, что и птицам. Я и надеяться не могла, что доживу когда-нибудь до такого времени.

И вот я стояла в толпе приветствующих четвертого вожака. Смотрела, как он идет к пьедесталу. Красивый как бог. Глаз не отвести. Да и зачем отводить, если традициями так положено, что он специально, на радость нам, во всем своем величии должен пройти вдоль ряда своих подданных? Затем молодой вожак должен подняться на пьедестал. Туда, где стоит его предшественник в окружении высших птиц. Преклонить колена и принять от отца амулет как знак вечной

связи со своей землей и своим народом.

Я наблюдала за его движениями и не видела больше своего ученика. Я видела наше светило. Хорошо помню, как помахала букетом, приветствуя Орла, когда он прошел мимо меня.

Наблюдая, как он рос, как учился, я не сомневалась, что его правление будет совершенно уникальным. Ни на что не похожим. Но как мне тогда хотелось знать наверняка, что принесет поселению этот юноша! Видимо, я боялась не увидеть этого. Четыре церемонии передачи за одну жизнь – это, знаете ли, немало.

В день, когда молодой Павел получил амулет, мой мир рухнул. Все, что я знала, что любила, исчезло вместе со стеной, оставив за собой хаос.

Тела поселенцев, выросших у меня на глазах. Обескровленные и затерянные в большом мире звери и птицы. Изгнанники в ошейниках, неспособные покинуть эти земли даже вне власти стены. И огромная зияющая пустота без нового вожака, которого не было ни среди первых, ни среди вторых, ни среди третьих.

Глава 1

Борис

1965

Я, знаете ли, никогда не думал, что стану водить дружбу с шерстяной братией. Серьезно, до какой-то поры мне вполне хватало моих товарищей. Да что там говорить, я был крайне доволен своей компанией. Мы прямо-таки упивались весельем.

Но потом все приняло несколько неожиданный поворот. А виновата во всем была Раиса.

Точнее нет, виноват был мой портфель. Или я, который его потерял. Это во-первых.

А вот во-вторых, вина уже лежала на Раисе.

В этом портфеле были мои наработки за последний год. А еще флейта. И библиотечные книги из закрытой секции. А я взял и оставил все под столом в кленовом сквере. Пошел на турник, да и забыл о своих вещах. Когда вспомнил – под столом, конечно, уже ничего не было.

Даже не знаю, что мне было жалко больше всего. Наверное, все-таки флейту. Свои записи я мог бы при большом

желании восстановить. За книги мне бы, конечно, влетело. Но вряд ли вылилось в серьезные проблемы. Подобные вещи мне всегда сходили с рук. А вот флейта была незаменима. Семейный раритет, так сказать.

Я, конечно, сразу пошел к старику Федору в его каморку находок. Но портфеля там не оказалось. Зато была записка. Федор мне ее, усмехаясь, протянул. Я сначала не понял, что же смешного во всей этой ситуации. У человека пропажа, а он лыбу давит. Когда прочитал записку, и вовсе из себя вышел. Это я потом уже оценил Раискин подход, когда узнал ее получше. Если ее знать, то все становится понятным и вполне логичным. Но тогда-то я понятия не имел, кто она такая, и сильно разозлился. Все же знают: нашел бесхозную вещь – отнеси старику Федору, хозяин за ней придет туда. А Раиса портфель не стала ему относить. Нашла портфель в парке по дороге домой, взяла его и отгатила к себе. А Федору записку принесла, в которой указала, что пропажа найдена, обращаться за ней по такому-то адресу. Я потом у нее спросил: зачем записка-то? Не проще было просто портфель принести? А она так удивленно посмотрела на меня и ответила: «Вот еще, буду такие тяжести таскать. До дома близко было. Домой и принесла. А уж от меня хозяин как-нибудь сам свою библиотеку пусть забирает».

В общем, как понимаете, она ограничилась маленькой бумажкой, на которой указала информацию о найденном портфеле, и отнесла ее в каморку находок. У меня поначалу от

такой наглости глаза на лоб вылезли. Но делать нечего, пришлось идти по указанному адресу.

Прийти-то я пришел. Долго дом искал, кстати. Нечасто по той улице мне ходить приходилось. Постучался. Мне открыли. Я объяснил цель своего визита. Позвали Раису. Она вышла вся такая уверенная, с прямой спиной. Как сейчас помню, на ней было платье в цветочек. Окинула меня гордым взглядом и сказала: «Это ты, что ли, такой рассеянный?»

Я хотел ей ответить: «Ну-ка, отдавай портфель сейчас же!» Но не ответил.

А она брови вздернула и вдруг спросила:

– Так и будешь молчать?

– Мой портфель у тебя? – я тогда постарался очень миролюбиво задать вопрос, хотя внутренне весь закипал. Эта девчонка была обязана отнести найденную вещь Федору. За присвоение редких книг и уникального музыкального инструмента ей грозило бы серьезное наказание.

– У меня, – ответила она.

Я думал, что она его сейчас принесет. Но Раиса не двинулась с места.

– Ну? – она явно чего-то ждала от меня. Я сначала было подумал, что она хотела что-то в благодарность за находку получить или, может, в качестве платы. Но нет.

– Что «ну»? – растерянно спросил я тогда. Попробуй тут не растеряться. Раньше девчонки так со мной не разговаривали. Совсем иначе себя вели.

– Назовешь, наконец, что в портфеле лежит, или думаешь, что я на слово тебе поверю, что ты его хозяин?

Сказала это и облокотилась одной рукой о косяк. И так выжидательно-надменно на меня посмотрела. Я еще больше растерялся от этого взгляда. Ну не ведут так себя обычно девчонки. Не ведут!

Конечно, я перечислил все, что было внутри портфеля. Всех авторов книг назвал, в общих чертах бумаги свои описал.

Она тогда кивнула и принесла мне портфель. Протянула мне его и вдруг улыбнулась:

– Интересный у тебя взгляд.

Я совершенно не понял, про что она. Что не так с моим взглядом? Так и стоял, как олух. Вытянутый по струнке и с портфелем в руках.

– Я про статьи. Кое-что просмотрела, – Раиса кивнула на портфель. – Никогда еще не встречала ничего подобного. Это очень свежо.

– Ты не должна была смотреть.

Я почему-то покраснелся. И злиться перестал.

– Я должна была знать, что внутри. Мало ли... – пожала она плечами. – И потом, мог прийти вовсе и не хозяин этих вещей. Надо было убедиться наверняка. Так сохраннее будет.

– Да, наверное, – только и мог сказать я.

Ох и рад я был, что вернул наконец портфель! Мне дей-

ствительно тогда захотелось как-то отблагодарить эту странную надменную девчонку. Как назло, с собой у меня ну совсем ничего не было.

И вдруг, до сих пор не понимаю, как это случилось, я взял и позвал ее вечером к себе в компанию. Еще фразу такую тогда сказал: «Будет очень значимое общество». Сейчас вспоминаю и сразу хочется кулаком себе вдарить посильней.

А что Раиска? Она пожала плечами и согласилась. Сказала, что все полезно в качестве эксперимента.

Во дела! Эксперимента, значит. Определенно, нормальные девчонки так со мной себя никогда не вели.

Думал, не придет. А она пришла. Точно по часам, ни минутой позже. И все в том же платье в цветочек.

Представил ее ребятам. Те вежливо ее поприветствовали. Девчонки-модницы окинули оценивающим взглядом. Мне даже как-то поначалу неуютно стало, что товарищи не выка-

зывают должного радушия.

Но потом вроде ничего, разговорились, развеселились, вопросами новенькую засыпали. Я сразу понял, что Раиса учится на противоположном конце поселения, в дальней школе. У нас я ее никогда не видел. Может, где-то на улице и встречал, но в памяти эти моменты уж точно не остались.

Мои, как услышали про дальнюю школу, сразу воодушевились, стали спрашивать, что да как. А есть ли у вас то, есть ли это, проходили ли такие предметы.

– Чем вы занимаетесь? Какие у вас кружки? Какие секции? Исследования проводите? А оснащение какое? – вопросы летели градом. Рая толком и отвечать не успевала.

Я тогда подумал: вам поговорить больше не о чем? Человек сюда, может, развлечься пришел, а они про учебу да про порядки заладили.

Подумал и включил патефон. В нашем клубе было много пластинок. Я лично приложил руку к созданию коллекции. Так что там был очень хороший выбор.

Думал, на Раису патефон впечатление произведет. А она лишь окинула его заинтересованным взглядом и отвернулась.

Это я потом уже узнал, что на самом-то деле ей было интересно его послушать и пластинки рассмотреть. Она просто виду не подавала. Но тогда я этого не знал. Я много чего тогда не знал.

Музыка играла, беседы велись. А Раиска так хорошо на

все темы рассуждала – заслушаешься. Только вот не танцевала. Ее даже приглашали, но она отказалась.

А я что? Я танцевать люблю. Почему бы не потанцевать, если музыка играет?

Когда все расходиться стали, я еще раз в качестве благодарности за найденный портфель предложил Раиску проводить. Она согласилась. Сказала, что одной скучно идти.

Думал, она восторженно будет отзываться, какие у меня друзья замечательные. Какие они интересные, образованные, веселые. А она хмыкнула только и сказала: «Напыщенные индюки».

Вот так и сказала, честное слово! Мне как-то сразу обидно стало. Виданное ли дело: лучшие птицы моего года – напыщенные индюки! Как вам это нравится?

Спросил: «Может, ты и меня напыщенным индюком считаешь?» Она тогда лишь пожала плечами и сказала, что еще не решила.

А потом добавила, что на этот раз ее черед в гости приглашать. И ведь пригласила же! В каптерку.

Вот уж не думал, что меня туда моя дорожка заведет. Но не отказываться же? И потом, очень уж мне было интересно посмотреть на Раискину неотесанную компанию. Я почему-то представлял себе стайку визжащих девиц, лузгающих семечки. Раиске, конечно, в этом не признался. Но заранее стал придумывать звучные эпитеты, чтобы хлестануть по ее друзьям. Нельзя же было фразу про индюков просто

так оставить!

Прийти согласился. Ведь все полезно в качестве эксперимента.

Чего я ждал? Даже не знаю. Я никогда не бывал в дальней звериной школе, не общался тесно ни с кем из ребят оттуда. В конце концов, никто в здравом уме не станет искать новых знакомств, если с теми, что есть сейчас, кажется, что мир вращается исключительно вокруг тебя.

Тем не менее я пришел.

Я знал, где находится каптерка, хотя никогда в ней не был. Почему-то мне представлялось, что там просто склад старого барахла, сложенного кучей за ненадобностью да и забытого. В сущности, так оно и оказалось. Но среди всех этих вещей кипела жизнь. Там царила своя, особенная и совершенно непривычная для меня атмосфера. Все было как-то понятно и тепло, что ли. Там просто хотелось быть.

Помню, как зайдя сразу увидел двух парней, сидящих в старых потертых креслах, между которыми стоял криво сколоченный стол. На столе была помещена доска с белыми и черными фигурами. Сидящие так увлеклись игрой, что даже не подняли головы, когда я вошел.

Это потом я понял, что подобные занятия в каптерке были неким ритуалом, сопровождающим повсюду эту компанию. Там всегда либо что-то мастерили, либо что-то изучали, либо во что-то играли.

Однако спасите старейшины того, кто вдруг назвал бы

вслух шахматы игрой! Для этого человека один из сидящих в старых креслах ребят навсегда стал бы его недоброжелателем.

Я имею в виду Мора. Для него шахматы были целой религией. Иногда мне казалось, что, гипнотизируя доску и передвигая по ней фигурки, он мысленно возводил империи и разрушал цивилизации. Но сам он, конечно, никогда этого не признавал, что, в общем-то, не мешало правдивости моих наблюдений.

Все это я узнаю потом. А тогда игравшие не очень-то привлекли мое внимание. Я глазами искал Раису. Которой, к слову, в каптерке не было. «Это тебе я сказала приходить к семи. В котором часу приду сама я, между прочим, не уточняла», – скажет она потом, пожав плечами. И ведь не поспоришь с ней. Действительно, про себя она и словом не обмолвилась.

– В проводах что-нибудь понимаешь?

Я обернулся на голос. Почему-то я тогда решил, что в каптерке больше никого не было. Однако в углу на стуле, склонившись над каким-то причудливым предметом, сидел парнишка.

Он кивнул головой на этот предмет и вновь задал вопрос:

– В проводах разбираешься?

– Нет, – честно ответил я.

– Жаль, – сказал парень и потерял ко мне всякий интерес.

Я тогда посчитал, что глупо вот так обрывать разговор.

Да и, признаться, чувствовал себя крайне неуютно из-за тотального игнорирования обитателей каптерки. Поэтому не придумал ничего лучше, чем приблизиться к этому парню со странной конструкцией, и начал наблюдать за его действиями. Он то отвинчивал что-то, то прикручивал, менял направления проводков на этом агрегате, чертыхался, возвращал все в исходное положение и начинал все заново.

Потом я узнаю, что Зигзаг обожал все, что связано с электричеством. Мы его даже прозвали Зевсом, ссылаясь на его громометательные способности. Где гром, там и молния, и, соответственно, электричество. В общем, вы поняли взаимосвязь.

Я стоял и наблюдал, как то тут, то там на аппарате зажигались и потухали огоньки, когда один из шахматистов произнес: «Шах и мат». Затем он встал и, довольный, потянулся.

– Играть будешь? – спросил второй парень, приглашая меня жестом.

Я вновь растерялся. Это стало входить у меня в привычку.

Ну вы же понимаете: то меня абсолютно игнорируют, то ни с того ни с сего приглашают партию сыграть.

– А разве не победитель остается за столом? – наверное, совсем не к месту спросил я, удивившись, что из-за стола встал как раз-таки выигравший парень.

– Надо утешать проигравших, позволяя им оставаться в деле. Победитель же наслаждается сладким чувством победы и сменой занятия, – улыбаясь, пояснил он.

Второй скорчил ему смешную гримасу. Победивший же взял с полки какую-то книгу, которых в каптерке, к слову, было очень много.

Кивнув, я сел за шахматную доску. К счастью, в отличие от электричества, в шахматах я кое-что понимал.

Я сам не заметил, как был очень быстро втянут в разговор и почему-то выболтал кучу информации о себе. Вот так ни с того ни с сего после, как я думал, намеренного игнорирования со стороны ребят, взял и рассказал много всего этому незнакомому парнишке. По прошествии времени я пойму, что это был особенный талант Васа – располагать к себе. В чем конкретно этот талант заключался, было трудно сказать. Но действовало это всегда и на всех.

Стал ли я постоянно зависать там? О, нет. Вот еще! У меня было слишком много, казалось, очень уж важных дел.

Но время от времени, скорее редко, чем часто, ноги сами меня приводили к каптерке. Подходя к ней, я внутренне надеялся увидеть в окне свет. Ни разу моему приходу никто не удивился. Тем не менее, зайдя туда, я сразу становился частью этого внутрекаптерочного организма, будто и не покидал его.

Потом я стал приходить туда все чаще. А потом, сам не понял как, прирос к каптерке. На это ушли месяцы. Никто на протяжении этого времени меня больше туда специально не приглашал. Никто и не прогонял. Я просто мог прийти в

любой момент и чувствовать себя одним из них.

В один из моих визитов я уловил из разговора между Зигзагом и Раисой, что Зигзаг учится в моей школе на том же году, что и я. Я искренне удивился. То есть, конечно, я с первой встречи понял, что Зигзаг из птиц. Но мне почему-то и в голову не приходило, что он из наших. Хотя, на самом-то деле, только так и могло быть. По-видимому, каптерка в моей голове ассоциировалась совсем с другим миром. И я мысли не допускал, что мир моей школы мог как-то пересечься с этим.

– Так ты из верхней школы? – спросил я тогда с искренним удивлением в голосе. – Уверен, что никогда там тебя не видел.

– Я тебя видел, – сказал Зигзаг без лишних комментариев.

– Право, это странно. Мы совершенно точно не пересекались на ратных сборах. Ну и на гулянках тоже вроде бы тебя не бывало.

– А я на них не хожу. Мне здесь нравится, – вот так просто ответил мне Зигзаг.

Конечно, это не объясняло того факта, что в школе я его никогда не замечал.

Что же касается его намеренного игнорирования птичьих слетов... Сказать по правде, мне трудно было винить Зигзага в его предпочтениях. В каптерке я не чувствовал себя важным в птичьем понимании. Но я чувствовал себя нужным.

В жизни бы не произнес им этого вслух, но ребята восхи-

щали меня. Я с удивлением обнаружил, что учащиеся дальней школы не уступают, а даже перегоняют меня по знаниям. Их интерес ко всему на свете подстегивал и меня не стоять на месте. Они были по-настоящему талантливы. Хотя, наверное, не отдавали себе в этом отчета.

Как-то раз я похвалил какой-то из аппаратов, собранный фактически из старого мусора Зигзагом.

– Все-таки создавать что-то, творить – это один из самых важных критериев жизни людей, – сказала тогда Раиса, тоже оценив придумку Зигзага. – Только благодаря этому мы развиваемся.

Скорее всего, эти слова тогда, как обычно, побудили длинную дискуссию. Не уверен, согласился ли я тогда с ними. Вероятно, нет. Но почему-то они въелись мне в память так, что я помню их по сей день.

Глава 2

2001

– И меня без вопросов зачислили сразу на второй курс? Такое вообще возможно?

Даша с дедушкой шли вдоль реки по старым бетонным плитам, установленным здесь в те времена, когда эти окрестности еще не были частью города. Река, лес и село – вот что тогда было на месте, ныне превратившемся в большой район. Рядом, подняв хвост трубой, гордо вышагивал кот Васька.

– Вопросы, конечно, были. Но их получилось уладить.

– Жаль, что специальность выбрать нельзя, – немного грустно сказала Даша и тут же пожалела об этом.

Дедушку этот момент беспокоил даже больше, чем ее саму. И он хоть и не подавал виду, но явно переживал.

– Стрекоза, спасибо, что согласилась помочь, – сказал Василий Владимирович. – Ты нам сейчас совершенно необходима.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулась Даша.

Она крайне смутно представляла, чем могла помочь дедушке, поскольку его способностями совершенно не обладала.

– По крайней мере, со мной в колледже будет Вовка. Не

так страшно в новый коллектив приходиться.

Раиса Сергеевна, или баба Рая, как ее в детстве называла Даша, была женщиной удивительной. Даже можно сказать, исключительной. Умнейший ученый, талантливый педагог, она с Дашиным дедушкой творила совершенно невероятные вещи в лаборатории института. Опыты, исследования, открытия – это все было о них. Даша с детства привыкла слушать истории об их каких-то очередных разработках и уже ничему не удивлялась.

А вот что Дашу всегда поражало, так это способность совмещать рабочую серьезность и ответственность с откровенным и неприкрытым наслаждением жизнью. Это относилось ко всему: к ремеслу и институту, которым Раиса Сергеевна была предана всем сердцем, к ее семье, к друзьям, к увлечениям.

Вот и сейчас, сидя у реки на рыбацком стульчике с удочкой в руках, она производила впечатление абсолютно счастливого человека. Огромная бежевая жилетка с кучей асимметричных карманов, такая же бежевая шапочка-панамка, спортивные штаны – все это смотрелось на бабе Рае крайне гармонично. Даже папироса в зубах не выглядела лишней. А уж эта счастливая улыбка... Каждый штрих этой удивительной женщины кричал о наслаждении всем, что она делает. Каждый час, каждую минуту. Закинет удочку и сидит себе в удовольствие. То ли прокручивает в голове лабораторные

эксперименты, то ли песенку мысленно напевает, то ли вообще ни о чем не думает – медитирует.

Даша так радоваться жизни не умела. С детства наблюдая за Раисой Сергеевной, она только надеялась однажды узнать, что это такое: любить мир и каждый день искренне открывать ему сердце.

Она увидела их издали, шагающих в ногу у края воды. Увидела и приветливо помахала панамкой.

– Превосходный денек для рыбалки, – сказала она им вместо приветствия.

– И как улов?

Василий Владимирович наклонился к ведру, в котором плескалось несколько карасей.

– Вашему пушистому другу хватит, – кивнула Раиса Сергеевна в сторону Васьки и аккуратно смахнула пепел с папироски. – Вы на ужин-то придете?

– Раиса Сергеевна, ну как можно в нас сомневаться?

Дедушка наигранно развел руками.

– Кроме того, боюсь, что Борис нам взбучку устроит, если решим сачкануть.

– Хе-х, это уж точно, – усмехнулась баба Рая.

Даша хорошо знала Бориса. Для нее Бориса Петровича. И меньше всего в ее представлении он был похож на того, кто мог бы устроить взбучку. Высокий, с прекрасной осанкой, длинноногий, цитирующий книги наизусть и рассуждающий о музыке, он производил впечатление дворянина, который

по какой-то причине ошибся годами и родился не в своем веке.

У Даши был один вопрос касательно предстоящего ужина и участия в нем Бориса Петровича, который ей очень хотелось прояснить.

– А Борис Петрович сыграет нам на флейте?

Раиса Сергеевна, расплывшись в своей фирменной улыбке, подмигнула ей:

– Если попросишь, то, конечно, сыграет. Куда же он денется?

А играл Борис Петрович, по Дашиному суждению, дивно.

– Жаркое из летних грибов было фирменным блюдом моей мамы.

Борис Петрович достал глиняный горшок из духовки, с удовольствием втянув носом аромат.

– В детстве мы всей семьей ходили за грибами. С ними, конечно, надо осторожным быть. Но отец превосходно разбирался в этом деле.

Даша, пришедшая на кухню за посудой, почувствовала, как в животе что-то заурчало.

– Ваша мама, наверное, много всего умела готовить, – предположила она, пересчитывая тарелки. Ей требовалось пять. Васька в тарелке не нуждался.

– Вообще-то, это жаркое было единственным рецептом, который знала мама, – усмехнулся Борис Петрович.

На обеих его руках были смешные прихватки-рукавички. Держа ими горшочек, он, приплясывая, направился в столовую. Его ноги в идеально выглаженных брюках совершали какие-то затейливые па, в то время как он что-то напевал себе под нос. Даже в этих смешных рукавичках он умудрялся выглядеть до безобразия элегантно.

Глядя на него, Даша никак не могла определить, у кого лучше получалось танцевать: у Бориса Петровича или у дедушки.

– Так-то у нас повара были, чтобы готовить, – уже выйдя из кухни, добавил разносчик жаркого.

Даша чуть было не хлопнула себя по лбу. Вот глупая!

В ее доме приходящие повара не водились.

Она покосилась на Ваську, который все это время был с ними на кухне. Он ничего не сказал, но на его мордочке отчетливо читалось, что уж он-то таких вопросов бы задавать не стал.

За столом, как и положено, все были в приподнятом настроении. Даша находила небывалую привлекательность в подобного рода застольях. Такие получались только здесь, с бабушкой и дедушкой. Дома с друзьями родителей она всегда немного скучала и чувствовала себя в напряжении. Хотя теперь Даша уже и не знала, где ее дом. Дела оборачивались самым необычным образом.

Дедушка, удобно облокотившись о спинку стула, беседовал о лабораторных опытах с Раисой Сергеевной. Сегодня на

ней не было жилетки с миллионом карманов. Вместо нее баба Рая надела коричневое платье с ниточкой жемчуга сверху. Однако папироса осталась при ней.

Бабушка с Борисом Петровичем больше слушали, чем что-то говорили. Они-то учеными не были. Но в целом имели представление о предмете беседы. Впрочем, как и Даша. Отныне разговоры такого толка имели к ней самое прямое отношение. Жаль только, что распространяться о них нельзя. Ведь это все жуть как интересно! Впрочем, кому она в этом городе что расскажет? Разве что Вовке.

Проглотив, практически не жуя, очередной кусок жаркого, Даша с удовлетворением отставила в сторону тарелку и опасливо покосилась на кнопку джинсов. Если вот прямо сейчас, сию минуту она отлетит в противоположную стену, девочка ничуть не удивится.

Даша знала, что сейчас разговоры закончатся, Борис Петрович достанет свою изящную, но такую старую, совсем не из этого мира флейту, и начнется волшебство. Никто на всей земле, Даша была в этом уверена, не умел делать то, что получалось у Бориса Петровича. Оживляя флейту своим дыханием, он из воздуха создавал фантомов. Музыка начиналась, и они выходили из стен: разноцветные, яркие. Они взметались вверх, пролетали мимо слушателей, танцевали. Маленькой девочкой Даша пыталась их даже ловить, но у нее ни разу не получилось. Кот Васька, будучи котенком, тоже как-то пытался их догнать. Так же безуспешно. Зато тогда Даша

убедилась, что флейтовые фантомы – это групповая галлюцинация.

А после должны быть пластинки. В этом доме не признавали ничего, кроме них. И танцы. И Даша по-прежнему не могла определить, кто же лучше танцует: бабушка или Борис Петрович?

Танцуя в паре с супругом, Раиса Сергеевна обернулась к Даше через плечо и, улыбнувшись, задорно произнесла:

– Добро пожаловать в команду!

Даша неуверенно кивнула, но все-таки показала ей большой палец.

Грядущий сентябрь станет для нее новым жизненным витком. Что-то он с собой принесет?

Глава 3

1990

Никто из юных жителей поселения не спал ночами. Молодежь упархивала из своих домов, как им казалось, незаметно для окружающих, и ручейками стекалась к поляне, плотно окруженной со всех сторон соснами. Эти сосны выступали эфемерной стеной, скрывающей молодых ратников от повседневности. Там посреди поляны пылал костер их реальности, наполненный только им понятными событиями. Ратники мотыльками слетались к заветному месту, неся с собой весь запас молодой энергии, что у них была в наличии.

– Чем ты нас сегодня угостишь, коктейльных дел мастер? Что ты уготовил нам?

Несколько ребят, удобно расположившихся на поваленном бревне, остановили проходящего мимо них долговязого паренька, дернув его за полу длинной кофты, спадающей вниз наподобие плаща. Тот, ранее проигнорировав чьи-либо попытки привлечь к себе его внимание, сразу же обернулся и самодовольно произнес:

– Этой ночью специально для вас был создан новый эликсир жизни.

Паренек наполнил жестяную кружку чем-то вязким и про-

тянул ее компании ребят.

– Недурно, – одобрили те, по очереди сделав пару глотков.

– Всегда к вашим услугам.

Юноша, кривляясь, поклонился и ушел на противоположный край поляны, не забыв прихватить с собой бутылку с эликсиром.

– Что он туда намешивает? – спросил один из ребят, продегустировавших новый состав.

– Черт его разберет. Ник никогда не раскрывает ингредиенты, – пожал плечами Павел, забрав у собеседника кружку и допив ее содержимое. – Однако таланта у него не отнять.

Павел одобрительно кивнул, смакуя последний глоток, и поставил кружку на траву. На его лице, как и на лицах рядом сидящих товарищей, танцевали отблески пламени недавно разожженного костра. Веселье на поляне только начиналось.

– Талант талантом, а не эликсиром единым мы живы, – заметил темноволосый юноша, многозначительно обведя сидящих рядом взглядом.

– Сокол дело говорит, – поддержали друзья юношу. – Доставай, что там у тебя!

Сокол, усмехаясь, достал из-под бревна припрятанную заранее бутылку.

– Дамы присоединятся к общему столу? – спросил он сидящих здесь же девушек, уже заранее зная ответ.

– Конечно, да, – улыбаясь, ответила Регина и протянула кружку.

– Просто удивительно... – сказала Регина, задумчиво вертя кружку в руках.

– Что именно?

Гитаристы устали развлекать товарищей-ратников и умолкли. Кто-то углубился в беседу, кто-то в стакан с напитком. Лишь один что-то тихонько наигрывал в унисон своим мыслям так, что его музыка просто звучала общим фоном. Децибелы шума поутихли, и сидящие рядом без труда могли переговариваться, не крича при этом соседу в ухо.

– Восприятие тебя социумом.

– Меня? – Колдун театрально схватился за сердце и закатил глаза.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – смерила его укоризненным взглядом девушка.

– Нет уж, мадам, будьте любезны, поясните свою мысль.

Регина вздохнула.

– Вот что ты можешь сказать обо мне?

– О тебе? – Колдун напрягся. Описывая девушку вожака, стоит крайне тщательно подбирать выражения.

Он задумчиво почесал подбородок и осторожно произнес:

– Ну ты умная... Хорошая...

– Вот! – воскликнула Регина, ткнув в Колдуна пальцем.

– Что «вот»?

Колдун с опаской скосил взгляд на указательный палец девушки, проверяя, не появились ли там волчьи когти. Во время эмоционального подъема трансформации порой про-

исходят крайне неожиданно.

– Что это за слово такое противное «хорошая»?

– Слово как слово, нормальное слово.

– Оно безликое, плоское, серое, понимаешь? Оно обесценивает.

Регина видела, что сын старейшины не понимает. Ничего он не понимает.

– Это ты-то недооцененная? – усмехнулся Колдун. Ему совсем не хотелось вступать в эту философскую полемику. – По-моему, ты преувеличиваешь.

Регина, поняв, что Колдун не намерен продолжать обсуждение, подняла глаза к небу. Там, в темном клочке, проглядывающем между еловыми кронами, полыхали тысячи и миллионы огней. Полыхали вечно и бесспорно. Совсем не в пример костру, освещающему поляну. К утру от него останутся разве что затухающие угольки. А вечером ему на смену придет новый костер, над которым все так же сверху будут гореть эти звезды. Их вот никак нельзя назвать просто хорошими. Великое множество слов подойдет, чтобы описать их. Но «хороший» не из этого списка.

– Она говорит про грани, – голос Сокола прервал поток звездных мыслей.

Регина и Колдун повернули головы к Соколу, который, видимо, услышав их разговор, подсел к ним. Отчего-то беседа его заинтересовала.

– Колдун, представь себе кристалл. Представь его себе

тщательно, в мельчайших деталях.

Колдун, недоуменно приподняв бровь, внимательно посмотрел на Сокола, очевидно намереваясь оценить, насколько эликсир Ника возымел свое действие на товарища. Однако все же закрыл глаза, всем своим видом показывая, что подключил к работе свое воображение.

– Хорошо представил?

Колдун кивнул.

– Какой он?

– Ну... он вытянутый, прозрачный, сияющий. В общем, как все кристаллы...

– Можешь сказать, сколько у него граней?

– Раз, два, три... что за хренью я занимаюсь, Сокол?

Колдун выругался и, недовольный, открыл глаза.

– Так сколько было граней у твоего кристалла? – Сокол, напротив, был крайне спокоен.

– Не знаю, я сбился. Пытался посчитать, но, видимо, моего воображения не хватило.

Колдуну все меньше и меньше нравился этот разговор. Он не понимал, чего от него добиваются. И это непонимание заставляло его нервничать.

– Ты не смог посчитать, потому что он неплоский.

Эти слова произнесла Регина. Хотя они предназначались Колдуну, она не сводила глаз с Сокола.

– Именно!

Колдун озадаченно посмотрел сначала на Сокола, затем

перевел взгляд на Регину. Решив, что что-то из употребленного ими все же возымело действие, он не стал спорить с девушкой и лучшим другом жоака и просто пересел на другой конец бревна. Те же в свою очередь, понимающе переглянувшись, отпили по глотку из своих кружек.

Глава 4

1990

Весна

Третий день подряд, не переставая, лил дождь. Он потоками стекал с крыш домов, вымывая с них скопившуюся за столь долгое время пыль. Стучал по окнам, барабанил в двери, окатывал холодной водой жителей поселения. Почва леса, окружавшего со всех сторон запечатанную зону, превратилась в подобие булькающего болота. Грязь невольно разносилась ратниками по всем помещениям, смешиваясь с невыветривающимися запахами мокрой одежды, влажной шерсти и земли.

Занятия в школе давно закончились, но выпускники не спешили расходиться. Сославшись на необходимость уборки класса, а на деле не пожелав очутиться под опротивевшим дождем, галдящая компания Павла хаотично устроилась на ученических стульях, лениво перебрасывая друг другу самодельный мяч, слепленный из скомканных листов бумаги и скотча.

– Осточертела эта погода! – раздраженно сказал Сокол и

рывком перебросил мяч Колдуну. Тот, не ожидая такого резкого движения, не успел принять подачу, и бумажный комок угодил ему под левый глаз, закатившись затем под парту.

– Между прочим, не исключено, что в этом непрекращающемся ливне ты виноват.

Колдун достал из-под парты мяч и обманным маневром так же резко бросил его в сторону Сокола. Тот выверенным движением поймал его правой рукой.

– Это еще почему?

Мяч полетел обратно в Колдуна, который на этот раз был готов, и он с легкостью схватил игрушку.

– Не ты ли три дня назад изрешетил все небо? – усмехнулся Колдун, подкинул мяч вверх и, поймав его, точным броском передал его Павлу.

– Тогда мы оба в этом повинны, – Павел, улыбаясь, подмигнул Соколу.

Три дня назад ратные птицы оказались вовлеченными в крайне щекотливый спор. Никто из них уже не помнил, кто первым начал хвастать своей техникой полета. Однако в итоге не терпящий пустых разговоров Павел предложил на деле каждому доказать свое мастерство. На его вызов, не раздумывая, откликнулся Сокол. Тогда, шуточно толкая друг друга и смеясь, они наперегонки устремились к поляне, чтобы через долю секунды раскрыть крылья, оставляя внизу своих задорно кричащих товарищей. Компания восхищенно наблюдала, как две хищные птицы бороздили небо, соревнуясь

то ли в искусности, то ли в безрассудстве. Два друга рассекали воздух могучими крыльями под аплодисменты и ликование зрителей. Они то поднимались вверх, то бесстрашно камнем падали вниз. С наслаждением вырисовывали в воздухе петли, закручивались в полете в спирали.

Оказавшись внизу, Павел и Сокол, хохоча, пожали руки, наслаждаясь овациями друзей, сразу же окруживших их. Свидетелей их полета оказалось гораздо больше, чем они ожидали. Защищая глаза руками от слепящего солнца, десятки ратников с разных концов поляны восхищенно наблюдали, как две стремительные точки с упоением бороздили небосклон, освещаемые лучами огненной звезды.

– Вы были неподражаемы! – улыбаясь, сказала Регина.

Волчица не участвовала в общей игре. Забравшись с ногами на подоконник, она, чуть склонив набок голову, наблюдала за процессом.

– Прямо-таки какое-то волшебство творили в небе.

– Вот и вылилось их волшебство затяжным дождем, – гогоча, передразнил ее Колдун.

– А может, это ты нам непогоду нашаманил? – Макс посмотрел на товарища со своим фирменным ехидным прищуром. Он всегда выглядел так, будто знал гораздо больше, чем желал показать.

– Не, – тряхнул головой Колдун. – Это не по моей части.

– За то, что по твоей части, в средневековье на костре сжигали!

Красавица Талия откинула золотистый локон за плечи и, подражая Максу, хитро посмотрела на Колдуна. Ее взгляд был выразительнее любых слов.

Колдун сразу же расплылся в улыбке под лукавым взором красавицы.

– Рад бы покаяться, да не в чем. Мои проделки погоды не касаются.

– Жаль, – грустно отозвалась Регина.

Свесив одну ногу с подоконника, а другую пододвинув к себе поближе, она перевязывала шнурок на кеде, вопреки грязи и слякоти на улице оставшемся абсолютно белым.

– Я надеялась, что ты нам хорошую погоду к ночи наворижишь. С таким-то ливнем костра опять не будет.

– Да, похоже, гитара и песни опять отменяются.

Павел, как и вся его компания, очень любил ночные шумные сборища у костра. Но будь он хоть трижды вожак, с ненастьем что-то сделать был не в силах. Регина вздохнула и спрыгнула на пол. Подойдя к раковине в углу класса, она набрала в ведро воду и намочила тряпку. Как-никак они обещали убрать кабинет, но за последние два часа не продвинулись в этом деле ни на миллиметр. Остальные ратники последовали ее примеру, расхватав веники и тряпки.

– Ну с костром я помочь вряд ли смогу, а вот по поводу гитариста и песен могу исхитриться что-нибудь придумать, – сказал Колдун, задумчиво почесывая подбородок.

Он так бы и продолжил сидеть на стуле, если бы Макс не

кинул в него тряпкой, жестом подзывая присоединиться к общей уборке.

Ночью, встретившись за деревьями у дальнего конца поляны, вся компания, ведомая Колдуном, отправилась к старым постройкам поселения. Половина из них уже давно была заброшена, а другая половина не ремонтировалась несколько десятков лет и имела одичалый вид. Кутаясь в дождевые плащи, ратники пробирались вдоль поляны, стараясь затеряться среди деревьев. Дождь шел такой силы, что моментально заглушал любые попытки заговорить. Так, молча хлюпая кедами по грязи, компания добралась до покосившегося барака.

Колдун толкнул входную дверь, открывшую вид на длинный грязный коридор. Загадочно улыбаясь, он жестом пригласил всех войти.

– Не знал, что ты шляешься по таким местам, – сказал Павел, первым переступая порог.

– Всегда удивлялся, каким чудом эти консервные банки еще держатся, – Сокол последовал за другом в полумрак облезлого коридора.

В нос им ударил запах затхлого помещения и чего-то кислого. По обе стороны вдоль длинного коридора были разбросаны будто наскоро прорезанные двери. За некоторыми из них слышались шорохи и голоса. Практически все комнаты были захлопнуты. Все, кроме одной. Одна из комнату-

шек, видимо, когда-то имевшая честь считаться кухней, дверей не имела. Там за выдавшим виды столом с облупившейся краской сидел пожилой мужчина. Мятая грязная майка, сваленные в колтуны седые волосы, насупленные брови. Он настороженно проследил за Павлом и его товарищами взглядом. Однако, увидев Колдуна, нехотя махнул ему рукой в знак приветствия.

– Твой знакомый? – спросил Сокол, кивнув головой в сторону нелюдимого мужчины.

– Скорее надежный поставщик, – ответил Колдун.

За одной из дверей громко играла музыка. Даже ливень, остервенело стучавший по заржавелой крыше барака, не в силах был заглушить ее.

– Мои друзья желали веселиться. Милости прошу.

Компания вошла в комнату со старой потрепанной мебелью и керамической печкой в углу. Все пространство заполняли дым и оглушающая музыка. И какое-то невероятное количество танцующих, поющих и наигрывающих что-то на инструментах участников вечеринки.

Никто из них не удивился появлению вошедших.

Однако ратники были крайне впечатлены. Многих этих людей никто из них раньше даже не видел. Талия и Регина неуверенно переминались с ноги на ногу и вслушивались в звуки мелодий. Парни же жадно осматривали каждую деталь открывшейся им картины.

– Неужели брезгуешь? – спросил Колдун Павла, посмот-

рев на него с прищуром.

– Отчего же, – пожал плечами вожак. – Отец всегда говорит, что в отщепенческих бараках живут очень талантливые люди. Он прав. Музыка у них что надо.

И он смело двинулся вглубь комнаты.

Вопреки обыкновению, никто не вскочил при его приближении, не бросился завязывать разговор, не проводил восхищенно взглядом. Лишь только парень, сидящий возле одного из гитаристов и в такт мелодии помахивающий головой, пригласил молодого жоака присесть рядом и выдохнул струйку ядовитого дыма.

Павел, не раздумывая, принял приглашение. Регина устроилась рядом. Все так же покачивая головой, парень протянул ему окуроч, который вожак принял и тоже затянулся. Обижать гостеприимных хозяев он не хотел.

Парень на вид был старше Павла лет на десять. Высокий, худощавый, с копной длинных коричневых дредов, он сидел с закрытыми глазами, скрестив ноги, изредка затягивался самокруткой и выдыхал дым.

Здесьние музыканты играли достойно. Пожалуй, лучше, чем кто-либо из гитаристов ратного костра. Иногда они пели что-то свое, иногда перепевали до боли знакомые композиции, заслушанные на кассетах, с таким трудом раздобытых за пределами поселения. Ратники тайком слушали их на плеерах, передавали их друг другу. Пленка затиралась и рвалась, ее склеивали, теряя при этом целостность любимых пе-

сен. Но даже в таком виде эти кассеты продолжали ходить из рук в руки, цeniaсь на вес золота.

Закончив играть очередную композицию, один из гитаристов вдруг нарушил общее состояние шумного трансa:

– Может, кто-то из прибывших сыграет?

Ратники переглянулись.

Павел многозначительно посмотрел на Талию и кивнул ей, побуждая принять предложение. Чуть помешкав, она отставила в сторону стакан, любезно протянутый ей ранее одним из окруживших ее парней, и взяла в руки инструмент.

Талия не сомневалась в выборе песни. Сколько раз она слушала ее! Сколько раз, собравшись с друзьями, они ее пели! Текст этой песни казался ей каким-то магическим заклинанием.

Ей сразу стали подпевать. Здесь эта песня тоже была в чести. И, возможно, здесь тоже верили, что она будет вечной.

Когда Талия закончила, аплодисментов не последовало. У нее просто забрали гитару и передали ее кому-то еще. Парень с дредами улыбнулся Талии и поднял стакан, будто салютуя.

Регина, сидя все так же на полу, с интересом наблюдала, как Сокол и Павел увлеченно и явно с наслаждением обсуждали с пареньком, одетым в безразмерную майку, коллекцию кассет, громоздившуюся на полке. Колдун о чем-то тихо шептался в углу, Талия и Макс горланили песни.

– Почему не присоединяешься к своим друзьям? – спро-

сил парень с дредами.

Это было довольно-таки неожиданно, учитывая, что до этого момента он молчал. Лишь посматривал на всех из-под полуопущенных век. Голос его оказался ровным и немного бархатистым.

– Мне нравится наблюдать, – пояснила волчица.

– И каковы же итоги наблюдений, если не секрет?

Девушка пожала плечами:

– Здесь хорошо. Не так, как на костре. По-своему.

– О-о-о, ратные костры... – протянул парень.

– Ты бываешь на них? Я тебя там не замечала.

– Горизонты людей, упоенных жизнью, имеют тенденцию сужаться...

Эта фраза была будто бы сказана в пространство.

Регина вопросительно посмотрела на собеседника.

– Я бывал там раньше, – пожав плечами, сказал он и отхлебнул из стакана. – Во времена ратного прошлого.

– Ты из ратного курса?

Регина искренне удивилась. Здесь она никак не ожидала встретить своих предшественников. Не в этом месте, столь далеко от ратной жизни.

Парень лишь чуть кивнул головой и вновь наполнил ее стакан.

– Теперь я со своим костром.

Он улыбнулся, вновь обведя комнату полузакрытыми глазами. Очевидно, не только Регина любила наблюдать.

– Герман, – представился бывший ратник.

– Регина, – ответила ему девушка.

– Я знаю, – сказал Герман и чуть ударил своим стаканом об ее стакан. – Будем знакомы.

– Часто вы так собираетесь?

– Часто, – ответил Герман. Многословностью он явно не отличался.

– У вас здесь здорово.

– Так бывает не всегда. Но спасибо.

Герман не казался сильно разговорчивым, но Регине очень уж хотелось его расспросить. В конце концов, не каждый день она встречала ратника-отщепенца. Да и разговор он первым начал.

– Скажи... а как получилось, что... – она замялась, обдумывая, как бы тактично сформулировать свою мысль.

– Что меня вычеркнули из жизни поселения, – кивая головой в такт музыке, закончил за нее Герман.

– Ну, в общем, да...

Она, конечно, не так радикально подходила к этому вопросу, но суть ее мыслей парень уловил верно.

– Стал неуютен, – просто сказал он. – Но, как видишь, я очень даже реален. Хоть и в некотором роде невидимка.

Понизив голос, Регина уточнила:

– Неуютен кому?

Герман, все так же осматривая комнату из-под тяжелых век, указал взглядом в сторону, где Павел, Сокол и Колдун

устроились играть в карты, присоединившись к новым знакомым.

– Орлам?!

– Не на Орлах единых стоит стена, – бросил комментарий Герман и вновь отхлебнул из стакана.

Любопытство юной волчицы не было удовлетворено, но расспрашивать собеседника подробнее она не решилась. Вместо этого она по привычке сказала:

– Пусть стоит долгие века...

– Века – это очень долгий срок... За столетия исчезали цивилизации...

Регина ничего не ответила. Ей этот разговор стал неприятен.

– Вот скажи мне, юная ратница, как так вышло, что вы знаете наизусть большинство песен, звучащих здесь?

– Мы их тоже поем... и слушаем, – пожалала Регина плечами.

– Да, но откуда вы взяли сам материал?

– Оттуда, откуда и вы. С кассет, – огрызнулась девушка, указывая рукой на стопки аудиокассет.

Герман вздернул брови.

– Мы, например, их купили за стеной...

Регина вновь промолчала. Конечно, кассеты у них тоже появились из-за стены. Откуда еще?

Она поняла, что Герман верно истолковал ее мысли. И это ей совсем не понравилось.

– А может, о ужас, смелая ратница еще и радиоволны ловит у себя в комнате тайком от неусыпного взгляда старейшин?

Насмешливый тон, с которым Герман задал последний вопрос, кольнул Регину. Что за чушь, в самом деле, этот неформал с дредами нес?

– К чему ты клонишь?

– Лишь к тому, что в стене давно появились бреши и подкопы.

Регина

1990

Весна

Вернувшись на рассвете домой, я сразу же уснула. Прямо в одежде. Кроссовки сняла, и на том спасибо. Спать под все непрекращающийся дождь было удивительно сладко: я все еще слышала песни из наполненной дымом и голосами комнаты. Капли как будто напевали их.

Проснулась в то время, когда все нормальные люди обедают. Впрочем, чего ожидать, если лечь в четыре утра? Послевкусие прошедшей ночи никуда не исчезло. Закрыв глаза, я представила комнату со старой глиняной печкой в углу и покосившейся затертой мебелью вдоль стен. Услышала слова песен. До носа донесся запах сигарет, раскуренных парнем с длиннющими дредами.

Я чихнула. Что-то очень уж сильное курил этот парень. Герман, так ведь его зовут? Герман из отщепенцев.

Так вот в чем заключалось это послевкусие! Герман. Точнее, его слова.

Бреши в стене... Кажется, так он говорил. Сложно поспо-

ритель с тем, что через стену в наши цепкие руки просачивалось много вещей, которые могли бы считаться неудобными. Но как без них? Без них жизнь стала бы тусклой и чересчур правильной, что ли... Их запрещают, изымают, и они снова появляются. Мы это называем круговоротом контрабанды. Что-то мне подсказывает, что часть ее прочно оседает у старейшин. Хотя я никогда не отважусь высказать эту мысль Колдуну. За это можно хорошенько попасть...

А вот Герман не боялся говорить. Знал, КТО у него в гостях, и не боялся. Может, ему просто больше нечего терять?

Меня не покидало чувство, что за этими словами стояло что-то большее.

Надо разобраться!

Наскоро умывшись, я выбежала из дома, пока меня не хватились. Иначе был риск застрять надолго.

Дождь наконец кончился, но в воздухе поселения все еще витал запах мокрой земли и травы. Я вдохнула ароматы поглубже и с наслаждением потянулась.

В ту часть, где стояли бараки, я редко забредала. Но дороге, конечно же, знала хорошо. Поднявшись от дома вверх по склону, я обошла стороной главную дорогу и вышла на поляну. Теперь надо дойти до дальних деревьев, чтобы никто не заметил, а там уж я быстро доберусь до старых строений.

Кроссовки утопали в грязи. Пожалуй, по дороге я пару раз зачерпнула воду из луж. Б-р-р-р, не очень-то приятно. Удивительно, но по пути мне никто не встретился. То есть,

конечно, попадалась всякая ребятня, гоняющая мяч. Но они не в счет.

У дальних зарослей неожиданно для себя я встретила Павла. Он и виду не подал, что заметил меня. Лишь когда я подошла практически вплотную, поднял голову и улыбнулся. В этом вся суть жизни в поселении: ты едва ли можешь скрыться. У кого-то лучше развит слух, у кого-то зрение, у кого-то обоняние. Но в целом это дает гремучую смесь вечного датчика информации. Ты знаешь за версту, где кто находится и даже, возможно, чем занят.

Что-то мне подсказывает, что вожак компании не искал. Приблизься кто другой, он бы предпочел скрыться. Приятно, что ради меня его вожачество делает исключение.

У Павла в руках была фотокамера. Понятно, почему он бродил тут в одиночестве. О его увлечении мало кто знал, и распространяться Павел не собирался.

Несколько месяцев назад Павел шепнул Колдуну, что был бы не прочь обзавестись камерой. Ходят слухи, что Колдун может достать все что угодно. Случай с фотоаппаратом это подтверждает. Не знаю уж, на что они там сторговались. Может, Колдун побоялся взять у Орла плату. А может, Павел предпочел не ходить в должниках у Колдуна. Но в итоге счастливый Павел увлекся новым хобби. И, надо признать, у него получались чудесные снимки.

– Удалось заснять что-нибудь интересное? – спросила я, приблизившись вплотную.

Удивительно, мы расстались всего несколько часов назад, а я уже соскучилась!

– Нет. Все интересное, что можно было найти, я давно сфотографировал.

Свитер Павла был насквозь мокрым. Похоже, вожак какое-то время лежал в траве в поисках удачной картинки.

– Может, все же стоит снимать жизнь поселения? Было бы интересно увидеть его твоими глазами... – робко предложила я, уже заранее зная ответ.

Павел, как и ожидалось, покачал головой. Бедный мой вожак! Даже любимое занятие страдает ради орлиного имиджа! Как это там пишут в учебниках по истории? Цена власти – так, кажется...

Павел присел на поваленное дерево и стал упаковывать камеру в рюкзак.

– Если бы можно было вынести камеру за стену! Было бы чудесно! Может, все-таки с Соколом устроить вылазку?

Ратники порой выбирались за стену, но группками. По двое, а уж тем более в одиночку никто не рисковал выходить.

– Тогда и меня берите. Вы же берете с собой девчонок?

– Только волчиц.

Павел, улыбаясь, обнял меня за плечи. Я даже дышать на несколько секунд перестала, чтобы не спугнуть мгновение. Мы редко бываем вдвоем, без посторонних. Ратная жизнь и все такое... Я порой тягочусь этим.

– И куда это ты собралась в одиночестве? У тебя был такой

шаг, как будто ты пряталась.

– Примерно так и есть...

Я замолчала, думая, как бы получше объяснить цель моего похода. Ничего путного сформулировать не получилось.

– Знаешь, вчера ночью...

– Занятная вышла тусовка. Я у них пару кассет позаимствовал. Надо ребят вечером позвать послушать.

– Да, необычно все было...

– А ведь это опрометчиво, – вдруг сказал Павел.

– Что опрометчиво? – погруженная в свои мысли, я не сразу поняла, что он имел в виду.

– Колдун, судя по всему, часто бывает в тех краях. Я даже не хочу знать, с какой целью. Пусть свои темные делишки пока что оставит при себе, – Павел покачал головой и вздохнул. – Но он знает этих людей, общается с ними. А я большинство из них в первый раз увидел. Это как-то... неправильно, что ли...

Павел замолчал, задумавшись. Но потом добавил:

– Я рад, что побывал там. К тому же, там есть действительно классные ребята.

– Не переоценивай их, – сказала я, уткнувшись ему в плечо.

Павел вопросительно посмотрел на меня.

– Вчера у меня там состоялся довольно странный разговор, который имел некоторую... незаконченность.

Павел многозначительно приподнял брови. Но расспра-

шивать о подробностях не стал. Он у меня такой, очень уж уважает личное пространство окружающих. Как говорится, от чего сам страдает, старается другим возместить с избытком.

Он поднялся и накинул на плечи рюкзак.

– Пойдем тогда.

– Куда? – не поняла я.

– Заканчивать твой странный разговор. Ты же туда направлялась?

С Павлом к баракам было идти куда приятнее. И не так страшно. Хотя я не очень представляла, как буду при нем вести разговоры, подобные вчерашнему. Щекотливая ситуация, ничего не скажешь.

У окраины покосившихся построек стояло что-то вроде телеги, куда несколько человек по очереди складывали деревянную мебель. Судя по всему, они намеревались нагрузить повозку и потом куда-то ее переместить. Павел окинул взглядом происходящее и нахмурился.

Увидев его, грузчики на несколько секунд застыли в замешательстве, но затем вернулись к своей работе.

– Здравствуйте, – окликнула я трудяг. Одеты они были все примерно одинаково: штаны цвета хаки и банданы на головах. Футболок на них не было.

На мое приветствие они лишь кивнули головами. Никого из них я не узнала. Может, этих ребят вчера и не было в той комнате?

– Подскажите, пожалуйста, где я могу найти Германа? – вновь обратилась я к парням, не понимая, на что, в общем-то, надеюсь. Нам тут явно не рады.

И, собственно, что я скажу Герману, когда увижу его? Потребую, чтобы он забрал свои слова назад? Или буду ждать каких-то объяснений? Да он, скорее всего, и не помнит уже, что говорил в той душной комнате. А даже если и помнит, то при Павле уж точно ничего повторять не станет.

Ребята лишь пожали плечами на мою просьбу и продолжили заниматься погрузкой.

– Шли бы вы отсюда, попрыгунчики. Нечего вам здесь делать, – услышали мы голос из-за спины.

Обернувшись, я увидела мужчину, который вчера сидел на кухне в бараке. Он все еще был в той же грязной майке и, похоже, трезвостью не отличался.

Судя по всему, все это время он сидел за нами на раскладном стуле и наблюдал за погрузкой. Позади него виднелась довольно глубоко вырытая яма, рядом с которой лежал брезент, наверное, недавно ее накрывавший.

Он начал подниматься, недовольно грозя руками. Павел, уловив опасные нотки, чуть вышел вперед, отводя меня за спину. Как будто этот пьяный мужичок мог что-то сделать! Это вряд ли. Для волка он уж точно не опасен.

– Топайте отсюда, детям тут не место, – продолжил он нас прогонять, все сильнее размахивая руками.

Еще одно резкое движение, и он поскользнулся на мокрой

от дождя траве и, не сумев устоять, рухнул в яму спиной назад.

– Потап, твою же мать! – выругались ребята в банданах. Побросав свой груз, они подбежали к краю ямы. Мы последовали их примеру.

Потап лежал на дне и явно не мог подняться. И неудивительно. Яма была крайне внушительных размеров. Хорошо, что не разбился!

– Ты там живой? – крикнул один из парней. Ответом ему было бормотание.

– Чтоб тебя, – вновь выругался другой парень, сдобрив последующую фразу такой бранью, что даже лисы бы позавидовали.

– Доставать его надо. Сам не поднимется.

– Как ты его доставать собрался? Всю землю размыло. Мы не спустимся, – возразил один из парней.

– Хорошо, что от дождя все перенесли под крышу. Если б на мебель упал, переломал бы кости к чертям.

Снизу послышалась отборная брань. Потап решил выразить отношение к своим бедам максимально красноречиво.

– А может, ну его, ребят? Пусть сидит там. Заодно протрезвеет, – робко предложил коренастый парнишка. На вид он был моложе остальных.

– Долго ему тогда придется там сидеть, – услышали мы сбоку.

Это был Герман. Он тоже склонился над ямой и недово-

но качал головой. Его дреды свисали вниз и цепляли земляные стены.

– Сам он не вылезет – земля еще очень долго не позволит. И мы едва ли туда спустимся. Только ноги переломаем. И, уверяю вас, нам так, как ему, с падением не повезет.

– Потап, твою мать, и угораздило же тебя!

Снизу вновь послышалась ругань.

– Может, его посадить как? – робко предложила я.

– Гениальное решение! – передразнил меня сидящий рядом парень и сплюнул на землю. – А то мы бы без вас не разобрались, ваше недовеличество!

– Эй, полегче! – одернул его Павел.

Юноша недовольно на него посмотрел, но возразить не осмелился.

– Мы не можем туда спуститься, чтобы посадить. Землю слишком размыло, – миролюбиво пояснил один из грузчиков.

Да уж, так себе ситуация. Если честно, помогать ни бранящемуся со дна ямы Потапу, ни этим грубиянам с голыми торсами совершенно не хотелось. Но не оставлять же его там внизу, в самом деле? Дожди, действительно, шли сильные, и земля просохнет очень нескоро. Я еле вверх по горке забралась, пока дошла до поляны. А там, вообще-то, ступеньки и с обеих сторон есть поручни.

Я беспомощно посмотрела на Павла. Что делать-то? Он поймал мой взгляд и, со вздохом сняв с плеч рюкзак, сказал:

– Вы спуститься не можете. Но я могу.

План был прост. Павел легко мог спуститься вниз, левитируя. Для этого ему даже оборачиваться бы не пришлось. Эта удивительная птичья способность не раз нас выручала. Чем выше рангом птица, тем дольше она может замирать над землей в человеческом теле. У Павла, понятное дело, недостатков относительно ранга не водилось.

На дне ямы Павлу на тросах подали два стола. Установив их один на другой, он помог кряхтящему и все еще матерящемуся Потапу забраться на них и залез туда сам. Подсадив его на плечах, Павел, шатаясь, выпрямился во весь рост. Этого хватило, чтобы ребята, сидящие на краю ямы, вытащили Потапа за руки.

Приземлившись возле меня, Павел принялся отряхивать штаны и свитер, которым, скорее всего, суждено было оказаться на помойке.

Недовольного и прихрамывающего Потапа увели в барак.

– Спасибо.

Герман протянул Павлу руку.

– Рад помочь, – ответил вожак на рукопожатие. Его ладони тоже оказались заляпаны грязью.

– Я могу предложить вам чай? Выпьете немного и заодно просушитесь.

Герман повел рукой в сторону барака, в котором, судя по очертаньям, мы и были прошлой ночью.

Павел утвердительно кивнул головой.

Мы направились к двери, из-за которой ребята-грузчики вновь стали выносить какие-то деревянные единицы мебели. Что ж, работа у них явно на месте не стояла.

При свете дня барачный коридор не выглядел лучше, чем накануне. По-прежнему в глаза бросались облезлые стены, потолки в потеках, покосившиеся косяки дверей. Я смутно припоминала, что эти бараки появились сразу после запечатывания поселения. Их строили как временное место обитания зверей и даже некоторых птиц. Постепенно семьи обзаводились своими домами и уходили из бараков. По идее, этого временного пристанища давно уже не должно было существовать. Но вот же оно, существует. Живет своей жизнью: устраивает ночные сборища, играет и слушает отличную музыку, перевозит какие-то грузы. Кстати, интересно, куда?

Герман проводил нас в уже знакомую со вчерашней ночи комнату. Просто удивительно, как в такой маленькой комнатушке могло поместиться столько человек! И поместилось же!

– Не сказать, что эта печка отменно работает, но чай подогреть она в состоянии, – с улыбкой сказал Герман и жестом предложил нам сесть. Сам же он зажег глиняную печку и поставил на нее чайник, который, действительно, довольно быстро закипел.

Он протянул нам кружки с чаем и сел рядом на кресло. Чай приятно пах травами. Пока Герман суетился с напитком, он молчал. Мы тоже не спешили заводить разговор. Но,

устроившись в кресле, он по-прежнему не выказывал желания вести беседы. Зачем же тогда пригласил к себе?

– Надеюсь, с Потапом все будет хорошо, – робко сказала я, надеясь хоть как-то завязать разговор.

– Он крепкий мужик.

Герман больше ничего не сказал и продолжил молча хлебать из кружки.

– М-м-м, а ребята... они же успеют сделать свою работу? Заминка им не помешает?

– Не думаю.

И вновь молчание.

Ну что я тут забыла?! Ужасно неуютная картинка. Пришла к ним сюда, отвлекая от дел. Потап этот еще свалился. Я повела плечами, будто стараясь сбросить с себя эту ситуацию.

Однако ни Герман, ни Павел будто не замечали, что что-то не так. Они спокойно пили чай и думали каждый о своем.

Допив свою кружку, Павел поставил ее на стол и неожиданно для меня произнес:

– За стеной ждет машина.

– Верно, – кивнул Герман.

– Вы бы сделали это гораздо раньше, если бы не ливни.

– Все так.

Герман тоже поставил кружку на стол. Я в недоумении переводила взгляд с Павла на хозяина комнаты и обратно.

А они смотрели друг на друга. Не враждебно, нет. Скорее

понимающе. Будто вели какой-то немой диалог. И я в этой беседе явно не участвовала.

Герман заговорил первым.

– И как молодой наследник распорядится этой информацией?

– Вряд ли я узнал что-то, что еще неизвестно Орлу или старейшинам.

Герман внимательно посмотрел Павлу в глаза и произнес:

– Старейшины меня мало интересуют. Так же, как и мы их... Но вот мысли будущего вожака мне интересны.

Герман все так же не отводил взгляда от лица Павла. Тот, в свою очередь, спокойно смотрел на собеседника.

– Надеюсь, молодой Орел не сочтет мои слова дерзостью, – произнес немного нараспев хозяин комнаты и чуть наклонил голову.

– Вырученных средств вам хватает? – не отводя взгляда, спросил Павел.

– Нет. Но мы справляемся.

Павел кивнул головой.

Меня не покидало чувство, что я подслушиваю какой-то интимный разговор. Или секрет. Причем, подслушав, уловила только общую суть: кучка ребят из барачков вывозят что-то за стену и, видимо, продают там, а затем покупают что-то еще. Да уж, не только мы проскальзываем за пределы поселения. Только тут, похоже, все имеет несколько иной оборот. Как это называется за стеной? Бизнес, кажется...

И как только Герман умудрился это все проверить...

Вдруг мне в голову пришел вопрос, на который очень уж хотелось узнать ответ. Но я совсем не была уверена, что имею право его задавать.

– Герман... Ты же бывший ратник. Сам вчера говорил...

Герман утвердительно кивнул.

– Скажи, по окончании обучения тебя отправляли учиться за стену? Тебе позволили?

– Умная волчица.

Герман улыбнулся и отпил из кружки. Кажется, чай в ней давно остыл.

– Отправляли. По образованию я инженер. И, если верить отзывам на работе за стеной, где я успел поднабрать навыков, довольно неплохой.

– И как вышло, что мы сидим в этой комнате с «неплохим инженером»? – спросил Павел, обведя взглядом неуютное помещение.

– Захотел применить свои знания в поселении. Верил, что могу здесь улучшить жизнь. Быть нужным.

Герман на несколько секунд умолк. Казалось, он взвешивает слова, пробует их на вкус. Прикрыв глаза, он сделал несколько вдохов и выдохов. Его грудь ощутимо приподнялась вверх и опускалась вниз. Затем он продолжил:

– Как много всего возможно здесь сделать! Сколько всего можно было бы принести из-за стены! Но прогресс в застенном понимании оказался ненужным. И вот мы здесь.

Произнося последнюю фразу, Герман повел рукой в сторону. Оставалось только гадать, кого он имел в виду под этим «мы». Нас, сидящих здесь? Или всех жителей барачков?

– Почему же ты не вернулся назад?

Герман хмыкнул. Но ничего не сказал.

– На него надели ошейник.

Эти слова произнес Павел.

Я невольно вскрикнула.

Я не ослышалась? С детства нас всех пугают этой карой. Будешь плохо себя вести – старейшины накажут ошейником.

Я считала, что подобные меры применяют только к самым отпетым мерзавцам. У меня в голове не укладывалось, что такое могло произойти с талантливым, умным, стремящимся к развитию парнем! Интересно, сколько их тут таких? На грузчиках я ошейников не видела.

– Мой максимум – километр от этого барака, – кивнул Герман. Он будто не заметил моего шока.

– Довольно много.

Откуда Павлу-то знать про метраж ошейника?!

– Я тренировался растягивать расстояние. Начиналось все со ста метров.

– Хм... так он еще и растягивается... – задумчиво произнес Павел.

– Или поводок ослабеваешь, – пожал плечами Герман.

Я не выдержала. Как они спокойно могут говорить об этом? Это же уму непостижимо! Я в негодовании вскочила

с кресла.

– Пойдите, что вы тут оба несете? Ошейник? На полном серьезе? Да это же... Да как же...

У меня не находилось слов, чтобы выразить эмоции. На секунду мне даже показалось, что я задыхаюсь.

Герман же, видя мою реакцию, совершенно спокойно прокомментировал:

– Уверен, волку мысль об ошейнике кажется куда страшнее, чем рыси.

Страшнее? Да за это разорвать мало!

– Сядь, пожалуйста, – попросил меня Павел. Его голос тоже был спокоен.

– Ты знал?! Знал?

– Вчера заметил на парочке эту штуку. Правда, не думал, что и ты на привязи.

Павел произнес это и вновь пристально посмотрел на Германа. В его интонации звучала горечь.

– И вот я здесь. Без возможности уйти в большой мир. И ненужный на родной земле. К жизни поселения меня не допускают. Работу не дают. Мы тут приноровились стругать мебель и вывозить ее за стену. Еще вымениваем всякие диковинки из домашних коллекций поселения. На большой земле они хорошо продаются.

– Ох и дела... – только и смогла я произнести.

Возвращаясь домой, я не могла унять поток мыслей. Как можно быть такой слепой? На расстоянии вытянутой ру-

ки живут звери в ошейниках. Не отморозки какие-нибудь. Обычные поселенцы. И я не знала. Даже не догадывалась! Интересно, кто-то из ребят в курсе вообще?

– Ты слишком громко думаешь, – сказал идущий рядом Павел.

Я ничего не ответила, только горько улыбнулась.

– Ты узнала то, что хотела?

Узнала ли я? Да то, что меня волновало ранее, сушая ерунда по сравнению с правдой, которая мне открылась!

– Я просто стараюсь переварить полученную информацию.

– Да уж, есть над чем подумать... В любом случае, мы ничего не можем сделать. Пока что...

Я вопросительно взглянула на Павла. Но тот лишь улыбнулся.

– Ошейники... На ребятах, с которыми мы пели вчера... Страшно даже вообразить. И мы сидели возле зверя на привязи, пили чай. Орел пил с ним чай! Ох и дела...

Павел нахмурился.

– Вчера тебя не смущала их компания.

– Она меня и сегодня не смущает! Но... это же...

– Варварство. Ошейник – это варварство. Называй вещи своими именами.

– Мне страшно даже думать об этом.

Я обняла Павла, надеясь как-то успокоиться. Кажется, я дрожала.

– Т-ш-ш, – Павел обнял меня в ответ и поцеловал в макушку. Его тело всегда было горячим. Как кипяток. Или как солнце, от тепла которого сразу становится так уютно.

Я подняла взгляд и всмотрелась в его янтарные глаза. Они тоже излучали тепло. По бокам от них бежала тонкая сеточка складочек, как будто паутинка. Я улыбнулась и дотронулась до паутинки пальцами.

– Люблю так делать. Как будто до солнышка дотрагиваюсь.

Павел довольно хмыкнул.

– Хорошо, что ты сумел им с Потапом помочь. Такой молодец!

– А какие у меня были варианты?

Я пожала плечами и уткнулась ему лбом в грудь.

Какие варианты? Да хотя бы развернуться и уйти. Просто проигнорировать. Или рассказать об агрессивном поведении Потапа в отношении Орла. Мало ли что еще...

– У меня к тебе будет небольшая просьба.

– Какая?

Я подняла голову, чтобы еще раз посмотреть на Павла. Он улыбнулся и потер большим пальцем мою щеку. Видимо, я испачкалась об его свитер.

– Забери, пожалуйста, мой рюкзак. И свитер заодно.

Павел стянул с себя промокшую, вымазанную в глине и земле кофту.

– Ты что, так пойдешь?

– Притворюсь, что был на пробежке. Знаешь ли, грязный и потный Орел после тренировки лучше, чем Орел, валявшийся в грязи.

Я рассмеялась, накидывая на плечи рюкзак Павла.

«Имидж важно поддерживать даже в мелочах», – подумала я про себя, смотря вслед бегущему жожаку.

Интересно, его свитер отстирается?

1990

Осень

Ратники любили проводить время с лошадьми. Уборка стойла и уход за животными были их каждодневной повинностью, но время от времени практически каждый старший учащийся заглядывал туда просто так, без причины. Там всегда пахло сеном, опилками и почему-то яблоками. Смесь этих запахов стала неотъемлемой частью жизни ратного выпуска. Эти ароматы гипнотизировали, смягчали ураган эмоций в теле, в котором постоянно боролся человек с животным. В поисках этой самой гармонии Регина и отправилась в конюшни.

Вихрь сразу же почуял ее приближение. Не успев переступить порог, девушка услышала его задорное ржание.

– Легко было догадаться, кто именно вошел сюда. Он только тебя так приветствует.

У стены на деревянной лавке сидела Нино. Девушка из компании кошек. Регина не была близко знакома ни с кем из них, хотя конкретно с Нино порой пересекалась в конюшне. Они иногда миролюбиво перекидывались парой-тройкой фраз.

Судя по всем внешним признакам, лошади на сей раз не

сильно волновали Нино. Она с задумчивым видом поигрывала кинжалом, который всюду носила с собой. То резко подбрасывала его так, чтобы он закрутился в воздухе, то ловила за рукоятку, раз за разом монотонно повторяя движение. Снова и снова, и снова... Несмотря на природную красоту, выглядела девушка довольно устрашающе: волосы цвета смолы каскадом падали на плечи и спину, полностью сливаясь с черной одеждой. Обутая в ботфорты, вес которых был таков, что их легко можно было счесть изощренным видом оружия, она уложила правый ботинок на левое колено и помахивала носком ноги в такт своим мыслям.

Регина точно знала, что среди дежуривших в конюшне в тот день Нино в списке не было. Что ж, среди ратников это место давно стало некой панацеей от тягостных дум и шальных мыслей.

Придерживаясь привычного нейтралитета, Регина оставила Нино предаваться размышлениям, а сама достала из сумки несколько кусочков сахара и на вытянутой ладони поднесла их Вихрю. Конь тотчас же деснами и языком аккуратно слизал угощение.

– Ну как ты тут, дружок?

Она с наслаждением провела рукой по гриве гнедого коня и, закрыв глаза, уткнулась лицом в его морду. Вихрь, поняв ее настрой, замер, стараясь забрать себе часть беспокоящих подругу мыслей.

Но, видимо, ему это не удалось. Ласково похлопав коня

по холке, Регина отошла от стойла.

Она взяла вилы и начала раскидывать сено, наваленное огромной кучей у дальней стены. Это была работа дежурных. И по графику ее день наступал нескоро. Но в тот момент физический труд доставлял ей огромное удовольствие. Она с легкостью орудовала вилами, раз за разом перекидывая сухие пучки.

– Они не перестанут, – послышалось с другого конца конюшни.

– Что?

Регина остановилась и тыльной стороной ладони вытерла пот со лба.

– Они не перестанут, – повторила Нино. – Можешь даже не надеяться. Лучше научись игнорировать их.

Судя по всему, Нино была осведомлена куда лучше о событиях в жизни Регины, чем Регина о проблемах готессы.

– Игнорировать четверть поселения?

Нино хмыкнула.

– Почему бы и нет?

Оставив сено в покое, Регина подошла к черноволосой девушке, продолжающей играть с кинжалом.

– Это не так уж просто сделать, знаешь ли. И, кроме того, я не пойму, какое им дело. Почему их так волнует моя жизнь? Меня, например, совершенно не интересует, кто чем живет и кто о чем думает.

– А должно бы интересоваться.

Сказав это, Нино многозначительно вздернула бровь, как будто вложив в это движение какой-то глубинный смысл, и резким движением вогнала кинжал в дерево скамьи.

Регина даже не вздрогнула, хотя маневр был крайне неожиданным. Она лишь удивленно покосилась на воткнутое в ни в чем не повинную лавку острие.

– Начнем с того, что они тебе завидуют, и довольно давно.

– Чему, хотелось бы знать?

Взгляд Нино был полон удивления.

– Ты из самой крутой компании всего поселения и к тому же девушка вожака, неужели не понимаешь?

Положим, Регина понимала. Это вполне могло быть причиной агрессии некоторых сверстников, а скорее, даже сверстниц. Но объяснить неприязнь мужской половины и старших жителей поселения этот факт никак не мог.

– Окей, зависть. Это я приняла к сведению. Но ведь есть что-то еще?

Нино не успела ответить. Входная дверь скрипнула, и в конюшню вальяжной походкой ввалились Ник и Колдун.

– О, да мы прервали обмен девчачьими сплетнями, – сказал Колдун, окинув насмешливым взглядом девушек. – Пардон, дамы. Не будем вам мешать.

– Тут никто не сплетничает! – раздраженно произнесла Регина.

Ей была неприятна мысль Колдуна о сплетнях.

– В любом случае, нас это не касается.

Ник миролюбиво улыбнулся и направился к стойлам.

– Тебя, может, и нет. А вот Колдуна очень даже, – вдруг сказала Нино, указав в сторону парня предварительно вытасненным из скамьи кинжалом.

– Так, девчонки меня обсуждают! Интересненько!

Колдун явно воодушевился. Довольный, он разместился на лавке рядом с Нино, сев как раз в то место, куда еще недавно был воткнут кинжал.

Регина подумала, что она поостереглась бы так вальяжно рассиживаться рядом с черноволосой красавицей.

– Не тебя, но представителя твоей компании.

– Это кого же? – удивился Колдун.

– Ее.

На сей раз кинжал указал в сторону Регины.

– А в чем, собственно, суть вопроса?

– Суть вопроса, собственно, в том, – очень похоже передразнила Колдуна девушка, – что пассия нашего будущего жоака искренне не понимает, почему не все от нее без ума.

Колдун присвистнул.

– О, какие сложные материи вы затронули. Нет уж, на эти темы философствуйте без меня.

Колдун поднялся и хотел было уйти к стойлам, чтобы приступить к работе, но Регина его остановила.

– Нет, объяснись! Ты же понимаешь, в чем дело!

Регине очень уж не нравилось, что кто-то из ее близких друзей был в курсе грязи, так душившей ее, но отказывался

прояснить этот вопрос.

Колдун молчал, явно не желая поддерживать разговор.

– Ну, что молчишь?

– Все дело в том, что ты волчица, – сказал вместо Колдуна Ник, расчесываящий гриву одного из коней.

Регина оторопело посмотрела на него.

– А что, собственно, ты имеешь против волков?

– Я – абсолютно ничего, – пожал плечами Ник. – Прекрасно к вам отношусь. Но я не из рода пернатых.

По спине Регины пробежали мурашки. О разделении среди поселенцев было не принято говорить. Все понимали, что так или иначе оно существует, но вслух этого практически никто никогда не обсуждал.

Регина молча перевела нахмуренный взгляд на Колдуна, тем самым побуждая его прокомментировать ситуацию.

Тот лишь развел руками.

– Ты считаешь, что такие, как я, недостойны общения с вами? – спросила девушка, интуитивно расправив плечи и выпрямив спину. – Думаешь, что делаешь нам одолжение?

Колдун продолжал молчать. Ник тактично больше не встревал в разговор.

– Отчего же? Думаю, что Колдуна более чем устраивают его приятели.

Эти слова принадлежали Нино. Колдун кивнул головой, подтверждая их.

– Что же тогда Колдуна НЕ устраивает? – спросила Реги-

на, сделав ударение на отрицательной частице.

В голове девушки никак не укладывалось, почему Колдун молчал, если имел к ней какие-то претензии? Они бы миллион раз могли обсудить любые вопросы, скажи он хоть слово, дай хоть полупонамек.

«И сейчас стоит как истукан и молчит, будто воды в рот набрал. Неужели не проще выложить все карты на стол? Чего он испугался?» – подумала Регина и осеклась. Пазлы сложились воедино.

– Тебя не устраиваю я. Я рядом с Павлом.

Регина схватилась за голову. Сколько их еще ходит по поселению, молчаливых злопыхателей, вынашивающих свои мыслишки, но трусливо избегающих говорить открыто? Сколько птиц смотрят с презрением на нее? Сколько звериных сердец ревностно следят за ней, надеясь, что она споткнется?

Регина сверлила Колдуна взглядом. Как ей хотелось, чтобы он опроверг ее слова! Но тот продолжал молчать.

– Скажи уже что-нибудь! Или твои манеры не позволяют тебе обсуждать такие щекотливые вещи, как разделение происхождения?

– Оставь его, – вновь подала голос Нино. – Скажи он хоть слово против тебя, и Павел моментально вышвырнет его из вашей богемной тусовки. А это ой как не в интересах Колдуна.

– Трус! – прорычала Регина.

– Ты постоянно твердила об учебе. Говорила, что хочешь просить старейшин учиться в городе. Я надеялся, что ты уедешь и все поменяется.

Произнося это, Колдун сверлили глазами пол.

– Но это же вопрос всего лишь нескольких лет. Я вернусь...

– С ума сошла? – на сей раз Ник вступил в беседу. – Со всем, что ли, умом тронулась? Уехав отсюда, ты навсегда сотрешь себя из жизни поселения.

Регина хотела было сказать, что Ник несет какую-то бессмыслицу, но поняла, что он как раз в корне прав.

– Твой отец... Он старейшина... Что он тебе говорил про мой отъезд? – Регина смело устремила взгляд на Колдуна.

– Что одобрит твоё стремление.

Колдун по-прежнему не смотрел на нее.

– Одобрит стремление и...?

– И закроет для тебя поселение.

Слова полоснули ее сильнее, чем это мог бы сделать кинжал.

Поселение для нее будет закрыто. А Павел, став вожаком, никогда не сможет покинуть его пределы. Амулет вожачества, который ему суждено получить от отца, навсегда прикрепит его к своей земле. Стена разделит их.

– Подленько, – ухмыльнулась Нино, оскалив два верхних клыка. – Проявление птичьего благородства во всей его красе.

Ник подошел к ошарашенной Регине и участливо положил ей руку на плечо.

– Тебе нельзя уезжать. Иначе рискуешь никогда не вернуться. Понимаешь?

Она понимала. Теперь она все слишком хорошо понимала.

– Павел знает?

– Не может не догадываться, – пожала плечами Нино. – Но наш будущий вожак страдает пороком вседозволенности и вряд ли воспринимает эти вещи всерьез. Все дело в том, ваше сиятельство, что с высоты птичьего полета земные интриги и неурядицы кажутся слишком уж незначительными.

Продолжать беседу Регина больше не могла. Она просто не находила в себе на это сил. Окинув еще раз взглядом опустившего голову Колдуна, равнодушно вертящую в руках кинжал Нино и участливо смотрящего на нее Ника, девушка покинула конюшню под недовольное ржание Вихря. Он привык, что Регина всегда берет его на прогулку.

Что ж, не он один столкнулся в тот день с изменениями в привычном ходе вещей. То ли еще будет.

Глава 5

Регина

1990

Очень удобно сидеть на этом старом потертом диване, спрятавшись под лестницей. Сюда никто никогда не заходит. Это место выглядит практически как чулан. Душный, пахнущий сыростью и абсолютно безлюдный. Но он отталкивает только на первый взгляд. На деле же это превосходное место, чтобы побыть наедине с собой, собраться с мыслями. В этом вся суть жизни в поселении – ты никогда не бываешь один. В основном это не очень-то мешает. Даже наоборот, чаще помогает. Но бывают такие дни, когда воздуха вокруг становится будто бы мало. И его совсем не хочется с кем-то делить. Тогда-то мне и приходит на выручку этот старый дырявый диван. Мне на нем с детства хорошо думается.

Вот живешь ты в обществе. В обществе крайне разнообразном. Пытаешься ладить со своим окружением, в чем-то помогать, где-то уступать. И все вроде бы хорошо. А потом бац – и вокруг тебя взрыв. И тебе сразу тесно. И ты опоясан всеобщими взглядами и перешептываниями неодобрения. А

в чем ты виноват? Всего лишь в том, что имеешь свое мнение.

Вот она, правда жизни: тебя любят столь долго, сколь ты готов соглашаться. Как только посмел проявить на что-то взгляд под углом наклона – изволь пожинать плоды. Ты прямо-таки всех шокируешь.

А если ты при всем при этом дерзнул испытывать счастье, то совсем труба. На тебе ярлык, крест, печать. Или что там еще обычно вешают на особо неугодных.

При Павле, конечно, все молчат. В рот заглядывают. Улыбаются. Разве что поклоны не бьют. Лицемеры паршивые. Не все, конечно. Но все равно тошно. Стоит же мне одной где-нибудь очутиться, то впору обвешаться булавками от дурного глаза. Так бабушка часто делает. Я раньше шутила над ней. А теперь думаю: может, правда, булабочку позаимствовать? От разговоров не спасет, так хоть уколёт побольнее.

Посижу здесь, пока у нас время самоподготовки. Не пойду в библиотеку. Мне просто не хватит энергии быть среди людей. Я и на рваном диване вполне продуктивно займусь своими делами.

Достала тетрадь. Люблю записывать все, что приходит в голову. Надеюсь, что однажды из этого получится что-то дельное. Читать свои заметки я никому не даю. А сама я слишком никчемный критик, чтобы оценить тексты адекватно. Так что это скорее дурная привычка, чем что-то полезное.

Раскрыв чистый лист, я уже хотела было приступить к записям. Но тут с другой стороны лестницы послышался шорох.

Кого там несет? Надеюсь, не ту отвратительную стайку лис, то ли нюхающих, то ли курящих какой-то жуткий смрад. Меня стошнит даже от намека на их продукты потребления.

– Вот ты где! А мы тебя повсюду ищем. Даже немного стали волноваться.

Это под лестницей показался силуэт Сокола. А через мгновение и сам Сокол, улыбающийся во все тридцать два. Но его улыбка тут же поникла.

– Ты чего, волчонок? Обидел кто?

Волчонком он меня называет еще с детских лет. Я тогда часто пряталась под лестницей на этом диване. Плакала над плохими оценками, несовершенствами внешности или просто скрывалась от дразнящихся мальчишек. Собственно, Сокол был одним из них. Однажды проследив за мной и обнаружив это укромное место, он не стал меня выдавать. А порой даже приходил поддержать.

– Нет. Просто решила собраться с мыслями, – уклончиво ответила я. Не жаловаться же в самом деле, что меня все обижают. Смех, да и только.

– И записать их? – Сокол кивком указал на тетрадь. – Когда ты уже дашь что-нибудь прочесть?

– Там нечего читать, – пожалала я плечами и быстро закрыла тетрадь, собираясь сунуть ее в сумку. Карандаш выпал из рук

и закатился под диван. Вот растяпа!

Сокол тут же встал на колени и засунул руку под низ дивана в поисках сбежавшего карандаша. Я сразу подумала, что наш заводила таким образом собрал на одежду всю пыль, которая десятилетиями скапливалась вокруг.

И действительно, поднявшись, он сразу же стал отряхивать брюки, покрытые серым слоем пыли.

– Так и не отучилась грызть карандаши, – Сокол протянул мне находку.

Кончики всех моих пишущих принадлежностей, и правда, всегда были погрызены. Это у меня с детства. Задумавшись на уроке над каким-то заданием, я начинала грызть ручки и карандаши. Волчонок вырос, но более утонченным, как видно, не стал.

– И как, собрала их?

– Кого? – не поняла я.

– Мысли. Во что они хоть собрались-то? Или их пересобирать теперь придется? – ухмыльнулся Сокол и плюхнулся рядом со мной на диван, отчего тот недовольно скрипнул.

– Не издевайся!

– А я, Волчонок, не издеваюсь. Давно привык, что твои мысли, как грибы. Их собирать надо только после дождя. В твоём случае соленого.

– Зануда.

Мне захотелось хоть чуть-чуть задеть Сокола. А то сидит тут такой все понимающий и видящий мои мокрые глаза. То-

же мне, сэнсэй. У Мормагона, что ли, этого нахватался?

– Это я-то зануда? Из нас двоих ты что-то непонятное строчишь в своих тетрадках. То ли стихи, то ли проклятия...

– За проклятиями обращайся к Колдуну, – съязвила я.

– Э, не-е-е, подружка, я стольким имуществом не владею, чтоб к нему с подобными просьбами обращаться. Я уж как-нибудь сам, без дополнительной помощи обойдусь.

Я рассмеялась. Это Сокол умел всегда – рассмешить. Даже когда очень грустно. Даже когда воздух вокруг будто начинает исчезать, а ты глотаешь его, как рыба. Сокол скажет что-нибудь, кажется, вовсе и не забавное, а кислорода вокруг будто больше становится.

Друг улыбнулся. Видимо, этого он и добивался: вернуть дыхание через смех. С воздухом он вообще в хороших отношениях. В работе с ним он на все крылья мастер.

– Ну, может, расскажешь другу-зануде, отчего это я застал тебя на плакатальном диване?

Это он с детства так диван называл. Сначала чтобы дразниться. А потом по привычке.

Я внимательно посмотрела на Сокола. Его взъерошенные волосы непослушными прядками торчали в разные стороны. Густые коричневые брови нависали над чуть раскосыми, всегда будто с искорками глазами. Когда Сокол улыбался, на его щеках тотчас же появлялись задорные ямочки. Маленькой девочкой я думала, что это у него две дополнительные улыбки в запасе, чтобы подарить их большему количеству людей.

На самом деле он только с виду такой легкий и вечно парящий. Сокол, может, и улыбаётся всему миру, но секреты этого самого мира никому не выдает.

– Знаешь, раньше я думала, что для ненависти нужен конфликт. Какая-то причина, чтобы источать черноту. А выходит, это совсем необязательно. Чернота эта может появиться из-за пустяка и расползтись, оставляя за собой страшные следы.

Сокол присвистнул.

– Вон о чем ты думы думаешь... Не знаю, как по поводу ненависти. Но вот просто неприязнь легко могу испытывать к людям, которые вроде бы ничего плохого мне не сделали. Но они мне не нравятся, и все тут. Что ж поделаешь. Это мои чувства. Имею на них право.

Мне как-то сложно было представить Сокола, кого-то недолюбливающего исподтишка. Со стороны всегда казалось, будто он всем искренне рад или по крайней мере нейтрален. Выходит, демоны всех посещают время от времени.

Я молчала, обдумывая эту мысль. Сокол же, не получив от меня реакции, продолжил:

– Я совершенно точно осведомлен, что своей персоной вывожу из себя минимум четверть ратников. И это только те, о которых я знаю наверняка. Что ж поделать, тем хуже для них.

Я ахнула от такого заявления.

– Сокол, ты о чем? Да большинство из них свои ботинки

на обед слопают, чтобы дружить с тобой!

– Не собираюсь дружить с тем, кто для этого ест ботинки. Так обуви не напасешься, – рассмеялся он. – Но в целом ты правильно сказала. Тем я их и бешу, что желающие наестся ботинок в очередь выстраиваются.

– Да уж, съеденная обувь дружбу крепкой не сделает, – вздохнула я.

– А вот проеденный молью диван и море слез, пролитых на нем, могут оказаться очень неплохим инструментом для строительства дружественного фундамента, – вновь улыбнулся Сокол. И из его глаз будто посыпались тысячи искорок.

И вновь как будто воздуха вокруг больше стало. Гораздо больше.

– Просто я не привыкла к такому... Это какой-то совсем новый опыт для меня. Опыт крайне отрицательный. Даже от псов, с которыми у меня всегда были прекрасные отношения, стало веять холодом. А я... я просто привыкла быть для всех хорошей...

Сказала это, и меня сразу же передернуло от того, как прозвучали последние слова. Жалко они прозвучали. И по-детски. Как была хнычущим волчонком, кусающим от обиды диван, так им и осталась.

Но Сокол не рассмеялся. Даже намек на глупость моих слов не выказал. Вместо этого он сам придумал невероятную околесицу:

– Это они скачкам завидуют.

– Что? Ты чего несешь?

– Ну а что? Никто из псов не способен так блистать на скачках, как ты. Даже птицы не показывают таких результатов. Вот они все зубы и скалят. Тоже хотят быть первыми в гонке.

– Шут гороховый!

Я не удержалась и рассмеялась. В этом весь Сокол: раз, и переключил мое внимание на какую-то безделицу.

– Чего обзываешься? Ты же правда выиграла.

– За это бойкоты не устраивают, – отмахнулась я от его чуши.

– А ты откуда знаешь? Ты что, специалист по бойкотам? – Сокол прищурился и лукаво посмотрел на меня.

Так и пытается подтрунивать с разных сторон. Умело отвлекает. Но я ему за это благодарна. Прятаться мне перехотелось.

– Пошли-ка в библиотеку. Надо информации к занятиям подсобрать. Нутром чую, после последнего урока Мормагон именно с меня опрос и начнет.

На прошлом занятии во время подготовки круглого стола я по ошибке достала из сумки сборник стихов вместо исторического справочника. Мормагон сразу же потребовал убрать книгу и не отвлекаться на его классах на «мертвые направления».

Так и сказал – мертвые направления. Это он про литературу так. Он не видит в ней никакой ценности.

– Это ты права. Он может с тебя начать. Пойдем-ка хорошенько проштудлируем материал, чтобы не ударить в грязь лицом.

Сокол крайне трепетно относился к классам Мормагона. Впрочем, как и большинство студентов.

Уже поднимаясь по лестнице, я решилась высказать вслух мысль, которая назревала во мне с прошлого класса истории. Она маячила в голове, но все никак не могла обрести форму. А вот сейчас обрела.

– Сокол, ты, наверное, решишь, что я чокнутая и еретичка, но я считаю, что Мормагон неправ.

– Ого, сильное заявление, – Сокол даже остановился. Его брови удивленно поползли вверх.

– Да, он неправ. Мертвое направление – это история. Ну серьезно! – выпалила я. – В ней нет ничего живого. НИЧЕГО. Все давно закончилось, ушло, и даже запаха не осталось. Вдыхай – не вдыхай, никакого наслаждения. Литература же всегда про жизнь. Всегда о нас, понимаешь?

Я сказала это и как будто даже зажмурилась. Почему-то мне казалось, что Мормагон знает о том, что я только что произнесла. Будто у него сто ушей и сто глаз.

Ох и получу я сейчас от Сокола за нападки на его гуру-сэнсэя! Хорошо же я отплатила другу за поддержку, ничего не скажешь!

Но Сокол лишь пожал плечами и равнодушно бросил нашу детскую присказку:

– На вкус и цвет, как говорится...

– Фломастер разный, – подхватила я и, облегченно вздохнув, продолжила свой путь в библиотеку. Как-никак круглый стол никто не отменял.

Мормагон

Наблюдать за ними, всматриваться в их души, по кусочкам собирать воедино их личности – это как разгадывать кроссворд. Иногда вопросы к нему попадались на удивление каверзные. Но чаще я щелкал их без раздумий. Это не было удовольствием, скорее неким хобби. Каждый из них – целый мир. И чем более закрыт был этот мир от моей реальности, тем любопытнее было заглядывать в него, просчитывать алгоритмы, на которых он вертится.

О, это было любопытным занятием, которому я научился у человека из прошлой жизни. Когда-то по глупости я осмелился назвать его другом. Как он умел наблюдать! Был мастером своего дела. Его улыбка располагала, молчание пленило. Он не отпускал комментариев, не предлагал суждений. Лишь наблюдал и слушал. И перед ним раскрывались души: прирученные, как собачонки. Которой, к слову, он и был сам. Мы с ним были.

Я научился этому не сразу. Но у меня было достаточно времени, чтобы отшлифовать мастерство. И море материала для практики.

Чувствовал ли я ответственность? Безусловно! Она давила на меня, но не как страшное бремя, а как почетная обязанность, которую я нес. Каждый день, каждый час моей бытности преподавателем я понимал, какой потрясающий матери-

ал в моих руках. Как легко он лепится. И как в то же время он хрупок.

Как я стремился пробудить их интерес! Как желал передать свои знания! Как много они могли получить, если хотели!

Я не бился за уважение своих подопечных. Я просто знал, что достоин его. Со временем же с интересом обнаружил, что они изо всех сил пытались стать достойными моего уважения. Уважал ли я кого-то из них на самом деле? Очень многих. Презирал ли кого-то? К сожалению, да.

Делил ли я учеников на зверей и птиц? Никогда. Лишь способности и старание были моим мерилom.

Долго, очень долго я твердил себе, что не смею влиять на их мировоззрение. Что моя роль – лишь помогать им строить свои миры и держаться в стороне. С первым я справился отлично. Со вторым с треском провалился.

Я презирал порядки, десятилетиями складывающиеся в нашем общем доме. Я презирал никчемность и пустую надменность тех, кто когда-то посмел поставить себя выше остальных. Я презирал слепоту тех, кто был способен, талантлив и трудолюбив, но с щенячьей покорностью преклонялся перед бездарностью и алчностью правящих.

Так уж случилось, что я единственный в нашем ДОМЕ всегда понимал, как жалки в своем невежестве все эти орлы, старейшины, приближенные к ним. Никто из них за всю мою жизнь так и не уяснил простую вещь: они есть, чтобы слу-

жить нашему ДОМУ, но не ДОМ есть, чтобы служить им.

Со временем я до тошноты, до боли в висках устал от этого. Устал видеть в ярчайших личностях следы раболепия или же, наоборот, превосходства над остальными.

И тогда я понял, что вправе. Вправе использовать то, что собирал, наблюдая. Вправе не просто направлять. Вправе вести прочь от старых порядков к свободе. Я тратил часы, месяцы и годы, наблюдая за ними. Беседовал с ними. Ежедневно собственным примером показывал, что есть настоящая ценность.

И они слушали меня. Шли ко мне, за мной. И верили мне.

И уже это я мог бы считать победой.

Но мне нужно было больше. Куда больше.

1990

Старые письма, чертежи, раскрытые книги – все это хаотично лежало на старом дубовом столе согласно алгоритму, понятному одному лишь хозяину комнаты.

Зашедший в кабинет сразу наткнулся на огромную старую карту с какими-то странными пометками, занимавшую полстены. Дальше взгляд ловил подозрную трубу, которую зачем-то принесли сюда, да так и забыли, шахматную доску с расставленными фигурами на подоконнике, выдавший виды и, судя по всему, самодельный транзистор, который больше всего удивлял посетителей, скрипку и дудочку, скромно

пристроившиеся на одной из полок. И книги, книги. Стопки и горы. Повсюду. Старые свитки и рукописные бумаги. Здесь системы не было и не могло быть. Каждая деталь, каждый штрих указывали на беспорядочный полет мысли обитателя помещения.

Все уже давно привыкли к бесконечным стопкам предметов, раскиданных на столе, полках, по углам комнаты. Привыкли и не удивлялись. Возможно, потому что гений хозяина этого хаоса не мог быть подвергнут сомнению. Его одобрение и расположение означали безоговорочное признание таланта и способностей учащихся. А эти показатели среди ратников ценились крайне высоко.

Мормагон не терпел невежества и апатичного отношения к занятиям. Вкладывая максимум усилий в свою работу, не жалея ни времени, ни сил, он ожидал от подопечных полной отдачи. Многие, очень многие ратники школы жаждали внимания своего учителя. Большинство почли бы за честь возможность провести с Мормагоном время в его кабинете. В понимании учащихся это приближало их к величине своего гения. Визиты в святая святых были редки.

Для большинства, но не для всех. Находились те, кто был вхож в кабинет ратного просветителя.

Сокола вызвал сам Мормагон. В общем-то, такое случилось довольно часто. Иногда Сокол не догадывался о цели, с которой его приглашали. Но в этот раз он знал совершенно точно тему предстоящего разговора.

Привычно постучав в дверь, Сокол переступил порог кабинета. Мормагон стоял у письменного стола спиной к окну. Он вообще редко сидел, предпочитая возвышаться в окружающем пространстве. Уперев руки в дубовую поверхность, учитель внимательно изучал какой-то чертеж. Он не поднял головы, услышав стук в дверь, но знал совершенно точно, кто именно пришел к нему.

– Ты покинул пределы поселения.

– Да.

Сокол ответил, не колеблясь. Он спокойно подошел к столу и встал напротив своего учителя.

– Сделал это, не спросив разрешения у старейшин.

– Да.

Наконец Мормагон оторвал взгляд от чертежа и внимательно посмотрел на вошедшего. Сокол знал, что его учитель не будет распространяться о его маленькой отлучке.

– Надеюсь, что риск был хотя бы оправдан.

Сокол пожал плечами. У ратников было своеобразное представление о риске.

Мормагон продолжал выжидающе смотреть на юношу, которому, он в этом не сомневался, было что сказать.

– В ваших архивах оно выглядело куда более презентабельно, чем в жизни.

– И тем не менее оно твое, – сказал наставник, многозначительно улыбнувшись.

Неделей ранее Мормагон так же пригласил Сокола к себе

в кабинет, чтобы ознакомить своего ученика со старыми архивами, найденными в библиотеке. Едва ли юноша был заинтересован обветшалыми бумагами, но послушаться наставника не мог.

В тот день на этом же самом столе, перед которым теперь стоял Сокол, были разложены пожелтевшие документы и фотографии. На одной из них он увидел черно-белое изображение старой усадьбы.

– Нашел недавно в старых архивах. Знаешь это место?

Юноша никогда ранее его не видел, но понимал, что у учителя была веская причина показать ему это фото.

– Этот дом располагался в нескольких километрах от края поселения, – пояснил учитель, указав пальцем на точку на лежащей рядом карте местности. – Уверен, он и сейчас там стоит. По крайней мере, то, что от него осталось.

– Судя по всему, он был свидетелем многих событий.

Сокол внимательно рассматривал потрепанное изображение. Он никак не мог понять, зачем Мормагон решил его ему показать.

– Слишком многих. У этого дома горькая судьба.

– Время никого не жалеет, – сказал Сокол и осекся, украдкой взглянув на своего учителя. Сколько, в самом деле, ему лет? Трудно дать больше сорока.

Разгадав его мысли, Мормагон улыбнулся.

– Не время было к нему безжалостно, а люди. Люди изгнали его хозяев, а новой жизни стенам не дали, оставив его

медленно увядать.

Сокол ничего не ответил на последнюю реплику. Судьба дома его не трогала. Мало ли таких домов разбросано за пределами поселения?

Видя недоумение своего подопечного, Мормагон жестом указал юноше на стул, приглашая его сесть, и задал неожиданный вопрос:

– Знаешь ли ты, когда поселение приобрело границы?

Конечно, он знал. Это все знали.

– В начале века.

– И ты, безусловно, знаешь, почему поселение запечатали?

– Слишком опасно стало быть у всех на виду. Старейшинам пришлось увести обращающихся и устроить здесь нашу жизнь...

– Почему именно здесь?

– Усадьба Орлов стояла здесь, здесь же были их земли.

Сокол тогда никак не мог взять в толк, к чему конкретно пытается подвести его учитель. Мормагон никогда не выкладывал открыто информацию. Он предпочитал наталкивать на мысль. Заставлял думать, рассуждать. И сейчас он определенно ждал от своего подопечного ратника каких-то выводов. Но каких?

– Вы спрашиваете, почему непозволительно опасно стало **ИМЕННО В ТО ВРЕМЯ**, а не в какое другое?

Мормагон одобрительно кивнул, показывая, что ученик

движется в правильном направлении.

– Птиц начали уничтожать. Их сметали повсюду. Волна практически подобралась к нашим порогам. Знать стала не в чести среди людей и...

– И птички, и зверюшки прибежали на земли вожака, оказавшись заперты на долгие десятилетия. Крылатые спасались, усатые подчинялись, – закончил учитель фразу, ехидно ухмыльнувшись.

И тогда Сокол понял. Будучи сыном хранителя, он, как никто другой, знал охранную силу его рода. Учитель прав, у стен просто не было ни малейшего шанса на новую жизнь. Без разрешения хранителя никто, кроме членов его семьи, не мог пересечь порог дома.

– Вы хотите сказать, что...

– Что эта усадьба принадлежит тебе, – вполголоса закончил фразу учитель, перегнувшись через стол. Его атлетическая фигура возвышалась над Соколом темной массой. Он по привычке упер руки о столешницу и внимательно всматривался в лицо юноши.

Сокол молчал.

– Просто подумал, что тебе будет интересно посмотреть на изображение старого родового гнезда, – прервал Мормогон молчание и улыбнулся сидящему напротив ученику.

Покинув тогда кабинет, Сокол не придал значения полученной информации. Конечно, он был тронут заботой и

стараниями учителя, но старая фотография не вызывала в юноше ровным счетом никаких чувств. Он, как и практически все жители поселения, родился на запечатанной земле и любил эти места. Порой, конечно, ратники устраивали несанкционированные вылазки в прилегающие к лесу городские районы, чтобы разжиться необходимыми сокровищами, нехватка которых очень уж омрачала жизнь старшеклассников. Но они всегда происходили на короткий срок и без превращений. «Старейшины не дремлют», – эта приписка была излюбленной среди ратников. Поэтому Сокол поспешил отбросить мысль о старом погибающем доме, куда незнакомцам нет и не будет хода. Какое ему дело до развалин, если здесь кипит вся его жизнь, такая пьянящая и насыщенная?

И он тут же поспешил окунуться в нее с головой, намереваясь насладиться каждой ее каплей.

На несколько дней пожелтевший образ на снимке стерся из его сознания.

Однако после субботнего костра что-то поменялось. Проводив вместе с Павлом Регину до дома и вернувшись к себе, он обнаружил, что постоянно мысленно возвращается к дому на фотографии. Даже закрыв глаза, он видел перед собой старые стены. Так и не сумев уснуть той ночью, утром он попросил отца взять его с собой на дежурство.

Только лишь выйдя за пределы запечатывающего купола на выделенной ему для патрулирования территории, он сра-

зу же взлетел ввысь. Сокол приблизительно помнил точку, указанную на карте в кабинете учителя. Крылья привели его к той точке за несколько минут.

С высоты было видно, что крыша дома практически полностью обвалилась. Колонны, поддерживающие выступы второго этажа, погнулись. За долгие десятилетия лес поглотил стены, обвив их плющом, а в некоторых местах буквально насквозь пронзил ветвями. Этого здания по всем законам физики уже давно не должно было существовать. Казалось, дунь и оно рассыплется, как карточный домик. Но вопреки всему стены стояли.

Спустившись, Сокол через одно из отверстий в крыше проник внутрь дома. Он не рискнул обернуться человеком, опасаясь, что старый пол просто не выдержит его вес.

Сокол и сам не знал, что он ожидал увидеть внутри. То ли разграбленные мародерами комнаты, то ли старую утварь и мебель, так и оставшиеся на своих местах нетронутыми. Но в реальности он не увидел ни того, ни другого. Его окружали лишь старые полусгнившие стены и ветер. Дом был пуст.

Наверняка Орлы предупредили его предков обо всем заранее, и у семьи было время перевезти вещи. Открыто ли, у всех на виду или под покровом ночи – этого Сокол не знал. Он мог лишь гадать, в какой комнате раньше стоял обеденный стол, за которым вся его семья теперь обедает в поселении, где был антикварный шкаф, на какой из стен висело зеркало.

Да, дом был совершенно пуст. Его коснулось разрушительной рукой лишь время. Сила хранителей не подпустила сюда даже привидений, столь живописно вписавшихся бы в общий пейзаж.

Не видя больше смысла продолжать свою экскурсию, Сокол взмыл в небо. Ему еще предстоял день патрулирования.

– Я не почувствовал, что оно мое.

Сокол посмотрел в глаза учителю. Он опасался огорчить его. Но Мормагон, пожав плечами, продолжал улыбаться. За его спиной в окно светило солнце, игрой света и теней создавая причудливый ореол вокруг фигуры мужчины.

– Но оно пропустило тебя. Это о чем-то говорит.

– Да, наверное...

Сокол замялся. Он не был уверен, стоит ли ему быть откровенным. То, что он собирался сказать, скорее всего, прозвучит цинично.

Однако осуждать подопечных не было в правилах Мормагона. Скорее всего, показав ученику старые документы, он рассчитывал на другую реакцию. Но лицемерить перед Мормагоном Сокол просто не мог.

– Это эхо... эхо прошлого. Я его не слышу, – Сокол тщательно подбирал слова, чтобы максимально точно выразить свою мысль. – Все это отголоски давно ушедших эпох. Настолько далеких, что и шепота уже не осталось. Понимаете, я живу сейчас. И происходящее вокруг меня – это мой

мир. Это то, кто я есть. Мы нынешние возводим жизнь будущую. И я предпочел бы думать про день сегодняшний здесь, в поселении. Не хочу быть зрителем, оглядывающимся назад. Хочу быть участником. А прошлое надо оставлять в прошлом.

Закончив говорить, Сокол опасливо покосился на учителя. Не рассердится ли он? В конце концов, профилем Мормагона была история. А он только что своими словами практически обесценил его труды.

Но Мормагон все так же стоял по другую сторону стола и улыбался. Он внимательно смотрел на своего ученика. Наконец, видимо, разобравшись с только ему уловимыми оттенками произнесенных речей, он кивнул головой и сказал:

– Да, из тебя определенно будет толк.

Уже уходя из кабинета, Сокол вспомнил о вопросе, который хотел задать учителю, вернувшись из усадьбы.

– Я понимаю, почему простые обращающиеся ушли в поселение. Но почему ушли хранители? Ведь стоило только захотеть, и никто посторонний и за сто лет не нашел бы дороги к их домам... Что ими двигало?

Мормагон, скривив губы в усмешке, ответил:

– Да здравствует воля вожака.

После он вернулся к изучению своих чертежей, а его ученик, выйдя из кабинета, бесшумно закрыл за собой дверь. Ночью Соколу опять предстояло идти в патруль. На этот раз по расписанию. Что ж, ему было о чем подумать во время

обхода.

Глава 6

2001

Захар не думал, куда идет. Шел без разбору. Потеряться он не боялся. У него было врожденное чувство ориентации в пространстве. В лесу он всегда верно знал, с какой стороны он зашел и где находится дорога. А еще Захар отлично запоминал путь. Позади остался застроенный коттеджный участок. Полузамки-полудома, возвышающиеся над асфальтированной улицей, выглядели нелепо посреди леса. Слишком кричащие. Слишком безвкусные. Лес обступал коттеджи со всех сторон. Звуков города здесь практически не было. Если и пробивались урбанистические отголоски, то крайне насто-роженно и неуверенно. И, подлетев к домам, затухали, пугаясь деревьев-великанов, нависающих со всех сторон.

Захар инстинктивно шел вглубь леса прочь от коттеджно-го участка. Ему было комфортно наедине с собой. Со своими мыслями. Они проносились облачным потоком, не утяжеляя голову. Никакого колледжа, никаких учителей, никаких од-ногруппников – только он сам и лес. Даже музыку в плеере не стал включать. Его более чем устроили звуки природы.

В какой-то момент в просветах между деревьями стали виднеться насыпи и плиты. Заинтересовавшись, он подошел

ближе и различил между ними кресты. Суеверным парень не был, но тем не менее он почувствовал легкий холодок, пробежавший по позвоночнику.

Что это? Откуда это здесь посреди леса?

Ответы были там, на плитах, смиренно спящих под густо нависшими кронами деревьев.

Переступая через коряги и отодвигая преграждающие путь ветки, он приблизился к насыпям. Их оказалось гораздо больше, чем виделось издалека. Десятки плит и крестов. И на каждой насыпи четыре цифры. Иногда цифры после тройки менялись. Они могли быть чуть больше или меньше предыдущих. Но одно в этих надписях было неизменно: списки фамилий. Длинные и бескомпромиссные. Чей-то приговор и финальная точка.

Захар продвигался вдоль мемориала, шепотом проговаривая надписи, как заклинания.

Сверху послышался стук. Захар инстинктивно поднял голову в его направлении. В кроне дерева сидел дятел. Возможно, точно такой же дятел сидел на этом дереве десятки лет назад. Или на соседнем. Весь этот лес был свидетелем дней, когда у людей вероломно отнимали жизни. Десятками. Сотнями.

Сопровождаемый стуком вверху, парень пошел вперед. В очередной раз у него промелькнула мысль, как ничтожно мало он знает о том, что его окружает.

Запахи леса успокаивали. Звуки приносили гармонию. Он

давно это заметил: лес был подобием храма. Он вводил его в состояние, подобное трансу. Позволял слиться с собой. Захар называл это «чисткой головы».

И вновь впереди замаячило что-то. Издалека не разобрать.

Захар вышел к тому, что, возможно, когда-то называлось домом. На деле же со стороны это напоминало чудом держащуюся груды деревяшек. Заваленные на бок стены, ушедшая в сторону и проломившаяся крыша, пляшущие ставни. В некоторых из них, к слову, остались стекла. У дома когда-то была пристройка. Сейчас же там не осталось ничего, кроме кучки старых бревен и трубы. Пожалуй, окажись здесь волк из сказки о поросятах, ему бы и стараться сильно не пришлось, чтобы сдуть этот домик и разметать его остатки по уголкам лесной чащи.

Откуда здесь, за километры от цивилизации, оказался дом, Захар не имел ни малейшего понятия. Никогда раньше он не слышал о каких бы то ни было местных старых строениях.

Зато парень абсолютно точно знал, что к зданию не стоит приближаться. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: деревянная постройка рухнет от малейшего чиха.

И тем не менее он подошел. Перешагнул через остатки забора. Приблизился к стене. Лес подступил к дому со всех сторон. Но окончательно не завладел им. Захару даже показалось, что ветви скорее подпирают пляшущее строение, чем

разрушают его.

Когда-то фасад здания был красивым. В некоторых местах еще сохранились узоры, а на ставнях была четко видна резьба. Два этажа. Маленькая надстройка слева, будто ба-шенка. На ней, к большому удивлению Захара, все еще красовался флюгер. Дом когда-то определенно был жилым.

В него нельзя было заходить. Обвалится. Рухнет на голову.

Но парень переступил порог. И вздрогнул от скрипа гнилой ступеньки. К счастью, она не провалилась под его весом. Но вперед пройти он не рискнул.

Смотреть особенно было не на что: дыры в полу, накренившиеся стены, зияющие отверстия-проходы. Дом, действительно, чудом еще держался. Даже лестница сохранилась. Но о том, чтобы приблизиться к ней, не могло быть и речи. Захар передернул плечами. Пустой, забытый всеми дом выглядел в его понимании противоестественно. Будто акт насилия над самой жизнью.

Он прошелся по периметру старого здания. Но вокруг смотреть было не на что: со всех сторон к стенам подступал лес.

Сегодня лес преподнес ему слишком много сюрпризов.

Захар похлопал ладонью по ставням. То ли успокаивая себя, то ли прощаясь с домом.

Ему было о чем подумать.

Пора было возвращаться. Сумерки в лес приходят быстро

и поглощают его целиком. Парень не имел никакого желания быть проглоченным вместе с деревьями.

Надев капюшон на голову и вставив наушники в уши, он отправился в обратном направлении.

Он безошибочно вышел к коттеджному поселку и сел там на автобус.

Ему нужны были ответы. У родственников спрашивать побоялся. Пришлось бы рассказывать про свои лесные прогулки. А это могло повлечь за собой много проблем.

Впервые пожалел, что прогуливал уроки краеведения. Быть может, там что-то об этом рассказывали?

Что ж, в колледже краеведения не было. Но история была. И преподаватель был. Правда, довольно необычный преподаватель. С виду не дашь больше тридцати. Ходит в растянутых джинсах, майках, с кулоном и вечным напульсником на руке. Кулоны иногда исчезают. Напульсник никогда. Волосы собраны сзади в подобие небольшого хвоста. Вечно задумчив и, пожалуй, даже отрешен. Иногда он пропускал занятия. Просто не показывался на них без объяснения причин. Студенты не возражали. Лишь переговаривались между собой о запое и кутежах. Захар не верил ни в первое, ни во второе.

Каким бы чудным этот преподаватель ни был, он все же оставался историком. А значит, мог дать ответы на вопросы.

В аудитории подойти побоялся. Почему-то не хотел, что-

бы кто-то услышал его вопрос. В перерыв пошел в библиотеку. Там некоторые преподаватели уединялись от шума и суеты коридоров колледжа.

Библиотека была самая обычная: стеллажи, столы, за чем-то большой глобус в углу. Ничего примечательного. Захару всегда казалось, что в библиотеках пахнет чем-то застоявшимся. И ему этот запах не нравился.

Историк был там. Сидел за одним из столов, увлеченно изучая какие-то бумаги. То ли карты, то ли чертежи. Захар не всматривался.

Он откашлялся, привлекая к себе внимание. Историк поднял голову. Его взгляд был немного размыт. Будто бы мысленно он был где-то очень далеко. И его сознание не поспело вернуться за взглядом.

Захар решил выложить все сразу: про прогулку, про кресты и про старый дом. Он не успел сформулировать финальный вопрос.

Но историк, не дослушав, молча встал. Направился к одному из стеллажей. И стал перебирать пальцами корешки стоящих там книг. Найдя нужную, так же молча протянул ее Захару и вернулся к своим записям.

Захар поблагодарил его. Но историк, кажется, не расслышал.

Устной консультации не вышло. Вместо этого его наградили каким-то справочником. Что ж, вечером придется почитать.

Справочник оказался написанным одним из преподавателей колледжа пару десятков лет назад и выпущенным малым тиражом. Но это неказистое с виду издание дало ответы на все вопросы Захара. Даже более того.

История края уместилась в книге на двести страниц. Но и этого было достаточно, чтобы шестнадцатилетний парень погрузился в длительные размышления.

Этот город богат лесами. И всегда был. Полноводная река и озера посреди леса стали еще одним пунктом, привлекающим к себе внимание. Те, кто имел возможность, строили дома как можно ближе к природе. Так, к началу двадцатого столетия в определенной точке образовалось целое скопление усадеб, поместий или просто частных домов на любой вкус и достаток. Этакий местный дачный курорт.

Но вихрь истории пошатнул эти края и унес за собой жителей усадеб и поместий. Что-то было передано в пользование быстро растущих вокруг деревень. Что-то исчезло навсегда вместе с хозяевами.

Те, кто по какой-то причине рискнул остаться, задержались не дольше, чем на двадцать лет.

Захара поразила одна мысль, пугающе простая по своей сути: тот самый дом, на который он наткнулся в лесу, был слишком близко к захоронениям. Ничтожное расстояние разделяло чей-то семейный очаг и последнее пристанище. Судя по всему, людей просто выгоняли из домов, переводили через дорогу до ближайшей поляны и там ставили

финальную точку.

Так творилась история. Ничего личного.

А дом продолжал стоять, по какой-то причине оставленный без внимания. Дичал и стонал под соснами и дубами, пока не превратился в еще один призрак прошлого, коих, судя по всему, вокруг бродили сотни.

Интересно, сколько их, затерянных домов в лесу? Если верить справочнику, очень много. Но почему он никогда о них не слышал? И где они все?

Захар откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В голове сразу замаячил список фамилий. Один, другой, третий...

Пройдет еще несколько лет, и списки станут кровавым океаном. Именным и безымянным.

Захар все это знал и до этой библиотечной книжки. Но почему же именно сейчас мурашки бегут по коже и так хочется кричать?

Глава 7

2001

Длинный коридор, до того вычищенный, что любое присутствие жизни в нем кажется грязным и неуместным, вытянулся прямой бесконечной линией. Лампы на потолке горят ровным желтым светом, вопреки всем ожиданиям, не несущим тепла. И вокруг ни души, как будто весь мир сузился до этого отвратительного белого коридора. Где же, в самом деле, все? Лишь шаги сопровождающей сиделки эхом отскакивают от стен и уносятся далеко вперед.

– Это здесь, – сиделка открыла одну из дверей и пригласила пройти. – Попробуйте, конечно, но вряд ли он вас услышит.

Палата по своей чистоте не уступает коридору. Все слишком стерильно. Сразу представляется, что, вымывая полы и стены, персонал заодно хорошенько почистил и память пациентов, не пропустив ни единого черного пятнышка.

Регину затошнило. Ее не покидала мысль, что в окружающей обстановке было что-то ядовитое.

В глубине палаты на краю кровати, смотрящий куда-то вдаль, сидел Павел.

Он не обернулся на звук открывающейся двери и потому

продолжал сидеть неподвижно. Регина видела лишь его спину и затылок.

Тот ли он, кем был раньше? Помнит ли он свою суть?

Направляясь в клинику, Регина не могла не признаться, что ее мысли возглавил страх. Страх не увидеть больше когда-то сильного и волевого человека. Потерять навеки его решительный и горделивый взгляд. Все эти годы, закрывая глаза, она без труда воскрешала в голове этот образ, воссоздавала его в мельчайших деталях. Он был до того осязаем, что силой мысли практически становился реальным. Закрой глаза, протяни руку и почувствуешь тепло кожи.

Регина так и делала. В мрачные часы своих скитаний она призывала на помощь воспоминания. Этот простой ритуал помогал ей убедиться, что она еще есть, что она здесь. Что дыхание не ушло из нее, оставив за собой лишь пустую бесчувственную оболочку. Образ прошлой жизни, полной пусть тщетных, но таких ярких надежд, предстал перед ней, напоминая, что и тогда она жила не напрасно, что она БЫЛА на этой земле.

И вот сейчас, смотря на прямую спину сидящего перед ней узника клиники, она не знала, кто предстанет перед ней, когда она посмотрит ему в глаза. Регина даже не могла сказать, чего она опасалась больше: того, что может не найти в этой палате человека, к чьему образу так часто мысленно зывала, или же того, что реальность этого образа окажется слишком слабой, сломленной и растоптанной навеки.

Обойдя кровать, Регина приблизилась к сидящему перед ней человеку, тотчас же растеряв весь запас слов, столь тщательно заготовленных ею заранее.

Волосы цвета каштана, широкие скулы, низкий лоб... Регина алчно всматривалась в эти мучительно знакомые ей черты.

– Здравствуй... – ее голос предательски дрогнул.

Она ждала ответной реакции. Хоть какой-то. Но Павел молчал. Хуже того, он даже не повернул к ней головы, продолжая смотреть перед собой.

– Я... я хотела...

Регина растерялась. Она столько раз прокручивала в голове возможные начала этой беседы. Иногда в ее мыслях Павел не давал ей договорить и радостно обнимал гостью. Иногда, наоборот, он прогонял ее, не желая вновь сталкиваться с призраками прошлого. Самой страшной же была фантазия, в которой он ее не узнавал, и Регина, не сумев объяснить, уходила. Но во всех этих сюжетах она говорила с прежним Павлом. С законным вожаком, помнящим свою внутреннюю силу. Сейчас же перед ней был лишь неподвижный силуэт, оболочка. Как будто настоящий предводитель навеки затерялся где-то там, в лесах, оставив на белоснежной кровати сидеть свой фантом.

– Павел, это я, – вновь попыталась она обратить на себя внимание.

Ни единый мускул не дрогнул на лице мужчины. Она жад-

но всматривалась в эту застывшую маску, силясь уловить хотя бы полупонамек, что ее слышат.

Тщетно... Тошнота, до этого момента не сильно беспокоящая ее, теперь стала совершенно невыносимой. Белизна стен и простыней слепила ее, свет ламп давил на глаза.

Как могло такое случиться? Почему вселенная допустила это? Не может человек, в чьем сердце огонь исполнял неистовые пляски, превратиться в неподвижного истукана.

И дело даже не в этой безжизненной статичности памятника. Взгляд... Этот взгляд ничего не выражал, отчего столь знакомые Регине черты лица приобретали зловещее сходство со слепком.

Не в силах больше выносить этот душастый страх, Регина осторожно присела перед мужчиной на полусогнутых ногах. Взяв его руки в свои, она вновь попыталась воззвать к тому, кто, возможно, спал внутри этой застывшей фигуры.

– Павел, это я...

Она всматривалась в янтарные глаза, обреченно осознавая, что уже не увидит в них нежности.

«Тебе пора уходить», – подумала Регина. – «Ты его здесь не найдешь».

Она достала из кармана амулет с камнем и надела его на Павла.

– Это по праву твое. Надеюсь, тебе спокойно там, где ты сейчас, – сказала девушка, прислонив свою ладонь к темно-коричневому камню, теперь висящему на груди Павла.

Не убирая руки, Регина начала подниматься, все еще не решаясь отвести взгляда от застывшей фигуры. Она хотела напоследок надышаться его образом, пусть и таким чуждым.

Прямая горделивая осанка, широкие плечи, копна каштановых волос, волевые скулы, глаза цвета янтаря с черными вкраплениями. Это учреждение не уничтожило его тело. Вопреки логике, оно осталось прежним, точно законсервированное.

Голова кружилась, свет слепил, и без того давящие на сознание стены как будто начали сужаться. Регина понимала, что силы по капле оставляют ее. Боясь потерять сознание, она сконцентрировала свой взгляд на том единственном, что еще могла различать в уплывающем от нее пространстве...

Приветливая теплота ласковой волной стала разливаться по телу, превращаясь в настоящее пламя на кончиках пальцев. Следуя зову огненного потока, Регина переместила взгляд на руку, все еще прижимающую кулон к могучей груди.

Ее ладонь, лежащая на камне, оказалась полностью скрыта под ладонью пробудившегося вожака.

Глава 8

2001

Под ногами шуршали листья. Ничего особенного. Так же они шуршали и десять лет назад, и двадцать. И, должно быть, точно такой же звук издавали и до рождения Сокола. Вот занятная вещь: вся жизнь перевернута с ног на голову, а он не может отделаться от мысли, что листья шуршат точно так же, как и в тот последний день. Можно сказать, что он шагает не просто по листве, уставшей за лето от солнца и напоследок хорохорящейся красками, а прямо-таки по руинам своей недожизни. Хм... Какая склизкая поэтичность. Волчонку бы понравилось.

За месяцы, прошедшие с момента возвращения Павла, многое вокруг поменялось. Сокол узнавал и не узнавал поселение. Что-то, конечно, осталось прежним: улочки покинутых домов, здание школы (кажется, там не было стекол в прошлый раз), особняки, фактически проглоченные за время одиночества собственными садами, опустелые конюшни. Сгоревшей бильярдной больше нет. На ее месте появился какой-то сруб с непонятным предназначением.

Вот уж что Сокол точно не ожидал увидеть, так это бараки. Почему-то он думал, что Павел первым делом уничто-

жит их к чертовой матери. Ан нет, вон они стоят, красуясь облезлым брюхом. Зато крышу подлатали.

Регину он не видел давно. С того момента, как отдал ей координаты Павла. Прилетел тогда к ней, напугав ее до смерти. Почему-то он не мог просто приехать. Хотел, но не смог. К ней он мог только прилететь. Отдал ей тогда записку с адресом, сказав, что на ее месте ни на что конкретное не надеялся бы. Мол, слишком сильно там в мозгах покопались. Сказать-то он сказал, но сам до одури надеялся, что все получится.

Что он испытал, когда узнал о возвращении своего жожака? С мешаниной этих чувств Сокол по сей день не разобрался. Определенно не радость. Однако он не мог не отметить, что пустота, ежедневно сжирающая его, будто бы выплюнула кусочек. Подавилась, что ли?

Все, кого он встречал по дороге, не решались заговорить с ним. Лишь на время опускали молотки да поворачивали головы в его сторону. Только Герман, поймав его взгляд, молча кивнул.

М-да... Нет уже ни правящих Орлов, ни старейшин, а защищавшие их ошейники все еще продолжают действовать, привязывая носителей к разваленной конуре.

Сокол вздохнул. Он и сам понимал, что для Германа поселение – это не конура. Это его дом. Дом! Черт возьми, да он в прямом смысле слова завидует этому экс-отщепенцу!

Обдумывая эту мысль, Сокол толкнул деревянную дверь

одной из барачных комнат.

Так и есть. Тут и птичий глаз не нужен, чтобы вычислить ее местоположение. Сидит с ногами на подоконнике и что-то записывает в помятую тетрадку. Прямо дежавю какое-то.

– Ну здравствуй, волчонок.

Регина оторвала усталые глаза от тетради и обернулась на голос. Ей подумалось, что она ослышалась.

Вот он стоит в дверях, опершись о косяк и сложив руки на груди. Улыбается, и на щеках проступают ямочки.

Так и не сумев вымолвить ни слова, она спрыгнула с подоконника и подбежала к гостю.

– Я знала, что ты вернешься, – сказала она и обхватила ладонями его лицо.

Да, улыбка все та же.

Только вот глаза какие-то тусклые, вокруг пролегла сеточка морщинок, будто ножки паучков.

А у кого из них она не пролегла?

Она положила указательные пальцы к уголкам его глаз. Туда, где поселились паучьи лапки. И тут же перенесла их к краешкам своих глаз, где, как она думала, появилась такая же сеточка.

– Ты нам так нужен. Ты ему нужен.

Это было не восклицание. Утверждение. Утверждение, в правильности которого Сокол имел все основания сомневаться.

«Ты-то мне рада, волчонок. А вот по поводу него я ой как

не уверен. Сейчас это мы и проверим», – подумал он и крепко обнял подругу.

Регина рассказала, где искать Павла. Он оборудовал себе что-то вроде кабинета в соседнем бараке.

– Я не пойду с тобой. Думаю, не заблудишься.

Сокол благодарно кивнул.

Меньше двух минут быстрым шагом потребовалось, чтобы добраться до нужного строения.

Здесь прямо-таки кипела жизнь. Вокруг шли работы. Люди то входили внутрь, то выходили, неся в руках какие-то стройматериалы. Каждый, абсолютно каждый, заведя приближение Сокола, в буквальном смысле открывал рот. Один особенно зазевавшийся даже пролил краску, в результате чего порожки окрасились ядрено-синими всплесками.

Твердо решив не задерживаться ни на секунду, он лишь кивал головой при необходимости, не замедляя шага. В общем-то, ему никто и не пытался помешать.

«Будто призрака увидели», – подумал Сокол и передернул плечами.

Он постучал в дверь и услышал спокойное «войдите».

Сокол на мгновение закрыл глаза. Этот голос сдвинул с места что-то огромное у него внутри.

– Десять лет. Десять чертовых лет я не слышал его, – пронеслось в голове.

Он набрал в грудь воздух и вошел.

Павел стоял, склонившись над какими-то чертежами. Он

машинально повернул голову в сторону скрипнувшей двери и застыл на мгновение.

Его глаза полыхнули. Он медленно выпрямился и встал впереди стола, фактически полностью загородив его своим телом.

«Это его в психушке так откормили, что ли?» – подумал Сокол и тотчас отогнал от себя эту мысль.

По правде сказать, он боялся увидеть кого-то сломленно-го, истощенного, больного. Но вот он, стоит перед ним, будто не было десяти лет заточения.

«Черт бы побрал этих Орлов. Хрен выкосишь эту породу», – подумал Сокол, внутренне торжествуя.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, сверкая хищными зрачками.

По-прежнему не произнося ни слова, Павел приблизился к Соколу и крепко обнял непрошенного гостя, и у того невольно вырвался вздох облегчения.

– Я скучал, – тихо сказал Сокол.

– Ты хочешь сказать, что вернулся только для того, чтобы притащить сюда какую-то девчонку?

Регина не могла поверить в это. Вот нахал! Пришел сюда не ради них и даже не скрывает этого. Впрочем, какая разница, в чем причина...

– О, это совершенно особенная девчонка, – усмехнулся Сокол. – Уверен, ты оценишь ее по достоинству.

Сокол гадал, как отреагирует волчонок, увидев Дашу. Когда Василий Владимирович познакомил своего младшего коллегу с внучкой, Сокол глазам не поверил: вылитая Регина. Только возраста его оболтусов-студентов. Воистину, бывшие жители поселения и их потомки были полны сюрпризов.

– Говоришь, она златоуст? – задумчиво спросил Павел. – Насколько мне известно, о них не было ничего слышно с момента...

– С момента запечатывания стены, – кивнул Сокол.

Последний из златоустов, как все полагали, умер еще до рождения их ратного выпуска. В пределах стены не осталось никого, кто бы понимал язык животных.

На поселение опустился тихий вечер. Все звуки как будто присмирели. Сокол фактически слышал запахи приближающейся темноты. Его нос и уши отвыкли от леса. И сейчас его сенсоры работали во всю мощность, адаптируясь к забытым условиям.

– Ты привыкнешь, – улыбнулась ему Регина. Она наблюдала за другом какое-то время и хорошо понимала, что с ним происходит.

– Уже привык.

Сокол взял из рук Регины кружку чая. В нос ударил запах трав.

Вспышка, и он видит перед собой Регину. Но очень маленькую. Сокол забежал к ней, чтобы позвать играть в мяч, но мама Регины усадила его за стол пить чай.

– Меня ребята ждут, – буркнул Сокол, ковыряя носком ботинка деревянный пол.

– Регина в любом случае никуда не пойдет, пока не допьет чай с пирогом. Так что лучше присоединяйся, – улыбнулась мама волчонка.

Такая молодая... Сколько ей? Столько же, сколько им сейчас... Удивительно, почему он не чувствует себя молодым? Сокол был готов поклясться, что Павел с Региной ощущают то же самое.

В детстве ему казалось, что весь домик Регины мог поместиться в одной только гостиной его собственного дома. Но его это никогда не смущало. Наоборот, ему всегда было спокойно и уютно в той кухне с белой скатертью. Однажды он разлил на эту скатерть чай. И сразу же очень испугался. Но мама Регины лишь улыбнулась ему и ободряюще кивнула в сторону тарелки с выпечкой.

Запах трав... Такой дурманящий, такой аппетитный...

Да, он хорошо помнит ту маленькую светлую кухню. Пожалуй, слишком хорошо.

Вспышка, и голос Павла возвращает Сокола в отремонтированную барачную комнату.

– Так, значит, Мормагон заинтересуется девочкой?

– Я абсолютно уверен в этом.

Едва ли их бывший учитель упустит такой шанс. Старожилы поселения рассказывали, что златоусты были способны не только понимать язык животных. Они могли управ-

лять ими. Каждый житель поселения был наполовину зверем или птицей. Девочка-златоуст в руках Мормагона могла бы стать страшным оружием.

Сокол задумался, вертя в руках кружку с чаем. Столько лет поисков, слезки. И надо же, как все обернулось.

Павел пристально смотрел на друга, по деталям изучая его лицо. Изменения во внешности Сокола мало заботили его. Но вот его мысли...

– Думаю, пришла пора выложить все карты на стол, – твердым голосом произнес вожак. – Какого лешего тебя занесло в этот колледж? Вдохновился примером нашего учителя-подонка?

О поисках Павла

Сокол искал. Долго. Начал практически сразу после крушения стены.

Сейчас, оборачиваясь назад, он смело может сказать, что тратил время понапрасну. Беспорядочные попытки сделать хоть что-нибудь закономерно оборачивались пустотой. Тогда казалось, что найти Мормагона не составит труда. И как только он найдет его, то...

А, собственно, что он сделает? Убьет его? Остановит жизнь своего учителя? Человека, повлиявшего на его становление, как никто другой?

Будем честны, поначалу Сокол думал, что без тени сомнения вопьется в глотку Мормагона и растерзает его. Сил бы ему точно хватило. По факту ярость, накопившаяся за месяцы изгнания, сделала бы все за него.

Но в том и обратная сторона ярости, что она просто неспособна быть вечной.

Придя в себя, Сокол начал самые важные поиски в его жизни.

Первым он нашел Ника.

Точнее сказать, Ник сам появился из ниоткуда. Без светлячков в рукавах и эликсира в руках. В грязной робе и с запиской, на которой был адрес Регины.

Сокол до того был ошарашен появлением товарища, что

даже не поблагодарил его и не спросил ничего о его жизни.

Уже потом, придя в себя, он пришел к Нику на работу. И там, в обеденный перерыв разделив на двоих бутерброды с колбасой, они узнали все друг про друга.

У Ника были родственники за стеной. Кто-то из тех, кто решил остаться в большом мире в период послабления. Каким-то образом родителям Ника удалось связаться с этой родней, и те помогли поселенцам устроиться в большом мире. Дядя, так Ник называл одного из родственников, хотя дядей он был в крайне дальнем колене, подучил Ника и взял на работу в мастерскую.

– Так ты теперь механик?

– Ну, знаешь, мне всегда нравилось что-то мастерить, – пожал плечами Ник, дожевывая бутерброд. – Я, конечно, не ожидал, что мастерить придется в луже мазута, но...

– Помню, что мальчишкой ты сбегал к дальнему краю стены, чтобы наблюдать за редкими машинами, проезжающими там, – улыбнулся тогда Сокол. – Думаю, что это отличный вариант для начала.

Ник заметно приободрился от этих слов. Обвел глазами помещение, где они сидели, и, наигранно скривившись, сказал:

– Самое сложное было привыкнуть к вони.

– Бензина?

– К вони города.

Сокол хорошо помнил, что тогда они рассмеялись и рас-

прощались на какое-то время. Но контакт друг с другом поддерживали.

Ник был не единственным, кого он не терял из виду. Сокол быстро разыскал место, где поселилась Регина с родителями. Увидев тогда их всех вместе, он, кажется, впервые за долгое время выдохнул полной грудью.

Регина с родителями жила в общежитии. Очень похожем на бараки, которых они так боялись детьми.

Нет, он не показался им. Прилетал периодически, наблюдая издалека, чтобы убедиться, что у них все в порядке.

Так со временем он узнал, что в тех же постройках общежития поселились родители Павла.

Увидев их в первый раз, идущих рядом друг с другом по тротуару, Сокол хотел броситься к ним, обнять.

Бывший вожак поддерживал супругу, будто боялся, что она упадет. Действительно, она будто уменьшилась, скрючилась. Стала невероятно маленькой и будто бы старой. Вожак внешне был все тем же: статным, широкоплечим, значительно выше большинства прохожих. Но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он больше не летает.

Сокол тогда будто почувствовал, как заныли его собственные крылья. Ему стало стыдно, что они у него по-прежнему есть. «Отдать бы их, чтобы все вернуть на круги своя. Чтобы все стало, как было до восстания и крушения стены», – подумал тогда он. – «Да кому они нужны...»

На следующий день он вплотную занялся поискам Павла,

все остальное оставив позади.

С чего начать? Самое логичное – с Орлов.

Но он не мог пойти напрямую к вожаку. Здоровый, летающий. Не мог посмотреть ему в глаза. Не мог расспрашивать его о сыне.

Тогда его раздумья разрешил Ник. Он назвал Сокола трусливым идиотом. Но подтвердил его догадки, что Орлы не имеют ни малейшего понятия о местонахождении сына.

Что ж, по крайней мере, это снимало с него вопрос нежеланного визита.

Так, в течение нескольких лет нащупывая ниточки и наблюдая, как они обрываются, он пришел к мысли о том, что помочь ему может только один человек.

Тот, кто стал первопричиной крушения стены и кто точно знал местонахождение Павла. Мысль о том, что его вожак, может быть, уже несколько лет как мертв, Сокол отбрасывал прочь, упорно игнорируя ее.

К счастью, отец знал многое о жизни Мормагона. Пожалуй, слишком многое. Соколиная память здесь оказалась бесценна.

Исходя из рассказов отца, Сокол начал идти по пути вновь появившихся ниточек, каждая из которых неизбежно обрывалась. Каждая. Кроме одной.

Сокол не показывался на глаза ни Орлам, ни Регине. Но постоянно следил за ними. Чаще с какого-нибудь отдаленного дерева или крыши многоэтажки. О, его зрение было

огромным преимуществом в этом деле! Нет, он не терял их из виду.

Дорогие ему люди, сами того не подозревая, продолжали присутствовать в его жизни. Так могла ли старая дружба, когда-то настолько крепкая, что она в буквальном смысле поборола законы природы, научив зверей летать, исчезнуть навеки? Неужели все стерлось, не оставив следов?

Обдумывая это, Сокол наблюдал, как Орел обивает заснеженные ботинки о ступени разбитого крыльца, прежде чем зайти в подъезд с затертым пакетом в руках. Он увидел, как в комнате загорелся свет, как в окне показался знакомый широкоплечий силуэт.

Он наблюдал, как в другом строении точно так же зажегся свет. И как другой знакомый силуэт начал мелькать за окном.

Нет... Время едва ли окончательно стерло следы тех лет. Они живы в памяти отца. Значит, они живы в памяти непосредственного участника событий времен молодости Мормагона.

Соколу был нужен Вас. Василий Владимирович, если уж быть точным. Васом он был много лет назад. В те времена, когда они с Мормагоном были не разлей вода. Именно Вас помог отыскать Павла. И именно он помог Регине вернуть амулет вожачества владельцу.

– Я видел твоего отца у родителей. Мы пересекались

несколько раз, – сказал Павел, когда за окном уже стемнело. – Он...

– Постарел.

– Нет, я не это хотел сказать. Он что, сложил крылья?

– Не летал ни разу с момента переселения в город, – кивнул Сокол.

Немного помолчав, он добавил:

– Когда отец узнал от меня про твоих родителей, он сразу же направился к ним. А когда вернулся, был спокойным и будто бы даже счастливым. Он тогда сказал фразу, которую я не могу забыть: «Не подвели меня мои чувства. Я действительно не имею права летать».

Павел долго всматривался в лицо друга, пытаясь считать что-то ведомое только ему. Подбородок вожака был упрямо выдвинут вперед, а ладони, лежащие на столе, сжались в кулаки.

– Я отомщу ему. Видит небо, он поплатится за все.

Какое-то время все сидели молча.

– Они не вернуться, – очень тихо сказала Регина. – Родители не вернуться сюда. Не захотят здесь жить.

– Я знаю, – спокойно ответил Павел и щелкнул кнопкой выключателя. В отличие от Регины, он практически не видел в темноте. Благо, пару недель назад Герман и Потап закончили работу с электричеством в поселении, чему те из птиц, что решились вернуться, были крайне благодарны.

Сокол

2001

Меня мало интересовало восстановление поселения. В сущности, для меня было абсолютно очевидно, что восстанавливать там нечего. Что было, то давно мертво. Из праха и костей живого дыхания не создашь.

Но я боялся из-за Павла. Не был уверен в том, кого увижу перед собой. Готовил себя, что его больше нет. Что будет кто-то другой. Нужный всем им. Но другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.